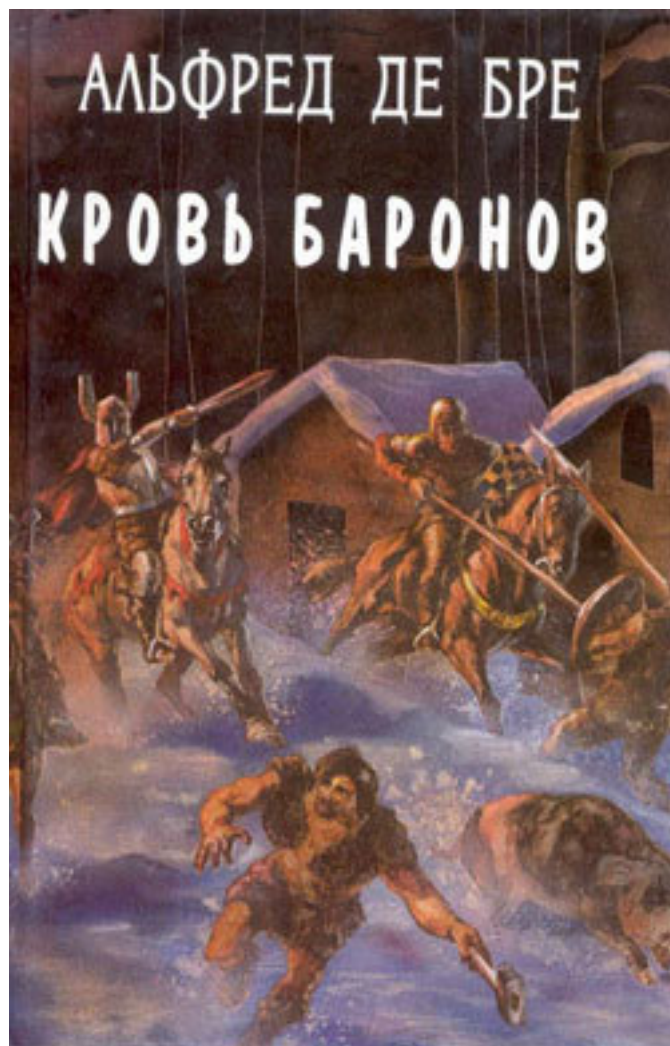

АЛЬФРЕД ДЕ БРЕ
КРОВЬ БАРОНОВ

Генрих Майер
Дочь оружейника

1873

Майер Г.

Дочь оружейника / Г. Майер — 1873

Центральная Европа эпохи средневековых смут; страны, раздираемые распрями феодалов и бунтами простого народа – таков сюжетный фон романа. В центре произведения – судьба мужественной девушки, слово и красота которой противостоят оружию обезумевших от крови мужчин.

Содержание

Часть первая	5
I. Вывеска «Золотого шлема»	5
II. Гостиница «Красного льва»	7
III. Заказ	10
IV. Жених	13
V. Западня	20
VI. Ночь после битвы	25
VII. Как Франк вошел в город Амерсфорт	29
VIII. Как Франк вышел из города	33
IX. Замок Одик и счастливая встреча	36
X. Лагерь Перолио	44
XI. Военная хитрость	53
XII. Вестник	56
XIII. Постоялец «Золотого Шлема»	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Генрих Майер

Дочь оружейника

Часть первая

I. Вывеска «Золотого шлема»

Город Амерсфорт, основание которого относится к первой половине десятого столетия, в 1480 году мог сравниться со столицей утрехтского епископства.

Он стоял на холме, в четырех милях от Утрехта, и река Эмс, бывшая прежде рукавом великого Рейна, разделяла его на две части. Благодаря близости этой реки, город Амерсфорт процветал и увеличивался, и в 1480 году состоял из двух отдельных городов: старого и нового.

Новый город походил скорее на деревню, потому что в нем, за исключением некоторых пивоварен, было очень мало домов; зато он был окружен стогами сена, житницами и сараями, в которых помещались стада на ночь, потому что за городом были превосходные поля и на них изредка виднелись лачужки. В эти годы междоусобных войн даже бедные поселяне боялись жить вне городов; там происходили беспрестанные грабежи и вечно бродили вооруженные шайки негодяев.

Зато новый город был отлично укреплен самими жителями. Они окружили его двойными рвами и высокими стенами с грозными башнями. В ворота, рано запираемые и защищаемые бастионами и бойницами, можно было попасть только через подъемный мост, который поднимался из города и держался над рвами на крепких железных цепях.

Старый город был отстроен довольно правильно, и там, недалеко от городских ворот, на большой улице, жил мастер Вальтер, главный оружейник епархии. Он занимал один из лучших домов Амерсфорта. Дом его был выстроен из красного кирпича; по бокам подъезда было два готических окна с тяжелыми дубовыми ставнями, которые могли выдержать даже ночное нападение разбойников. По архитектурному вкусу того времени второй этаж выдавался вперед, третий тоже выдвинулся на улицу и над подъездом красовалась богатая вывеска со словами:

«Золотой шлем»

Мастер Вальтер, слесарь-оружейник

Но так как в то время немногие умели читать, то хозяин дома, для объяснения своей вывески, повесил вместо украшения над одним окном первого этажа гирлянду, сделанную из железных цветов. Это было образцовое произведение его мастерства, и над гирляндой красовался золоченый шлем с забралом и перьями.

На правой стороне дома открытая аллея вела во двор, где находилась мастерская и магазин оружия, тогда как возле подъезда устроена была выставка мелких вещей, как то: шпор, уздечек, ножниц, кинжалов и проч. Крепкая железная решетка охраняла этот товар от любителей, готовых попользоваться чужой собственностью.

Кроме этого наружного магазина, внутри дома был другой, обширный, где собраны были вещи удивительной работы: цепи и стальные перчатки, вороненые клинки, панцири, секиры и другие части вооружения, отлично отделанные и украшенные золотой и серебряной насечкой.

В этот-то богатом магазине, за прилавком, сидела обыкновенно Мария, хорошенькая дочь оружейника. Ее было только шестнадцать лет и она считалась первой красавицей в городе. Хотя черты ее лица не были безукоризненно правильны, но в них было столько прелести, столько невинности и ангельской доброты, что все невольно восхищались ею, не разбирая, в чем именно состоит ее красота.

Каждый день перед окнами оружейного мастера собиралась толпа под предлогом рассматривания вещей, но в действительности все смотрели больше на хорошенькую Марию, чем на шпоры и ножницы. Однако молодая девушка была скромна, робка, и краснела при каждом смелом взгляде. Она пряталась за мать и за старую Маргариту, и если в магазин входил покупатель знатный или военный, и выбирая какое-нибудь оружие, обращался прямо к ней, Мария спешила удалиться, как будто для того, чтобы позвать отца или первого работника, без которых не смела продать вещи.

Однажды утром в магазин вошел человек странной наружности, и так как он будет иметь большое влияние на события нашей истории, мы познакомим с ним ближе читателей.

II. Гостиница «Красного льва»

14 августа 1480 года, накануне праздника св. Девы Марии, как тогда называли день успения Богородицы, в дверь гостиницы «Красного льва» постучал путешественник. На нем было широкое верхнее платье из грубой материи, шляпа надвинута на глаза, нижнее платье и штіблеты из козлиной шерсти доказывали, что это должен быть поселянин из окрестностей, но при внимательном рассмотрении можно было заметить, что приемы его довольно ловки, лицо выразительное, взгляд живой и что он несколько не похож на неповоротливого и терпеливого голландского поселянина, на которого он походил только одеждой.

Он был утомлен, как будто пришел издалека и, отирая пот с лица, спросил у толстой служанки, отворившей ему дверь, не остановился ли в гостинице иностранец, с виду здоровый, с молодым пажом.

– Если ты говоришь о незнакомце, у которого смешной выговор, – отвечала Шарлотта, – он точно остановился у нас, и если не боишься его побеспокоить, можешь пойти к нему. Только он, кажется, сердитый; я не пойду тебя провожать. Пойди сам по коридору и в конце его увидишь большую комнату, номер первый. Там ты найдешь иностранца.

Новоприбывший быстро вбежал по лестнице и бросился в коридор, где тотчас нашел дверь с № 1; но он не успел еще постучать, как она отворилась; перед ним стоял тот, кого он искал.

Это был человек лет сорока, немного выше среднего роста, с широкой грудью, жилистыми руками и толстой шеей. Во всей его физиономии заметен был странный контраст: наружность его выражала то доброту, то гнев, то гордость, то низость; улыбка была по временам невыразимо увлекательна, но скоро превращалась в горький смех, приводивший в ужас. Все эти перемены происходили быстро, так что трудно было следить за ними.

Одежда его была проста, хотя принадлежала дворянскому сословию этой эпохи. Верхнее платье из светлого голубого сукна застегивалось на груди золотыми пуговицами, узкий воротник рубашки был отложен у шеи, вышитый кушак стягивался большой золотой пряжкой и придерживал шелковые панталоны, на половину красные и голубые; башмаки из черного сукна были с длинными носками.

Единственное украшение этого простого наряда состояло в тяжелой золотой цепи, на которой висела медаль, полученная, как он говорил, от самого короля французского Людовика XI, и на красной шапочке блестел большой алмаз, подаренный, по словам его, графом Вильгельмом Ван-дер-Марком, прозванным Арденнским Кабаном.

Незнакомец носил черные перчатки из тонкой кожи, которые были очень длинны. Самым странным было то, что он редко снимал перчатку с левой руки, а с правой никогда, даже во время обеда, хотя бы за столом были самые почетные гости.

Ко всему этому надобно еще прибавить черную бороду, короткую, но густую, придававшую еще больше выразительности лицу незнакомца.

Когда мнимый крестьянин постучал у дверей гостиницы, иностранец, ждавший его с нетерпением, вскочил со своего места и бросился к двери, которую отворил в ту минуту, когда посланный стоял на пороге.

– Что так поздно? – спросил он.

– Синьор капитан, раньше было невозможно; лошадь моя расковалась на половине дороги, и я должен был идти пешком.

– Фрокар, говори ясно и коротко: видел ли ты графа Монфорта?

– Видел, синьор.

– Получил приказ?

– Вот он.

Фрокар вынул из кармана пергамент и подал капитану.

Вид пергамента немного успокоил атлета, который насмешливо улыбнулся и сел за стол, где приготовлен был завтрак, состоявший из яиц, ветчины, масла и яблок.

– Садись, Фрокар, и покуда я завтракаю, прочитай мне, что пишет почтенный монфортский бургграф.

Фрокар молча сел к столу, и, развернув пергамент, прочитал следующее:

«Мы Иоанн, бургграф Монфортский, губернатор утрехтской епархии, повелеваем мастеру Вальтеру, оружейнику нашего города Амерсфорта, приготовить столько оружия и лат, сколько закажет ему мессир Перолио, капитан и начальник воинов, прозванных Черной Шайкой, которому по сему случаю позволено свободно жить в Амерсфорте. Мастеру Вальтеру строго воспрещается однако выдать заказное оружие кому-нибудь другому, кроме нас самих.

В замке Монфорт. Подписал: Иоанн Бургграф».

– Он сомневается во мне! – закричал Перолио, потому что это был сам начальник Черной Шайки.

– Вероятно бургграф не хочет довериться вашей милости, – заметил Фрокар.

Перолио выхватил пергамент из рук Фрокара и положил его в бархатный мешочек, висевший сбоку.

Собеседник, чтобы смягчить гнев страшного капитана, проговорил вкрадчивым голосом:

– А что делает дочка оружейного мастера?

При этих словах лицо Перолио вдруг прояснилось, и он вопросительно посмотрел на Фрокара.

– Как она хороша! – продолжал мессир Фрокар.

– Прелестна, восхитительна! – вскричал с восторгом капитан. – Я видел ее только раз, и то несколько секунд, но сегодня найду средство поговорить с ней.

– Сегодня? Сомневаюсь.

– Отчего это?

– Оттого, мой знаменитый капитан, что ни одна девушка не будет заниматься посторонними делами в тот день, когда ждет своего жениха.

– А! У нее есть жених! И ты его знаешь? – сказал Перолио, лицо которого приняло опять мрачное выражение.

– Да, и вы тоже знаете его, синьор! За это вы и ненавидите его, хотя служите с ним у его светлости Давида Бургундского и он командует, как вы, отрядом превосходных всадников...

– Это ван Шафлер!.. Говори, это он?

– Да, он любит дочь оружейника и хочет жениться на ней.

– Что за вздор! Разве можно дворянину жениться на дочери слесаря?

– Отчего нельзя? Особенно если у дворянина нет ничего, кроме развалившегося замка, а слесарь – самый богатый и уважаемый житель города.

– Мне суждено встречать, везде этого человека, которому я скоро отплачу за все. Но тебя обманули, Фрокар, сказав, что он сегодня придет к оружейному мастеру; он не смеет показаться в городе, принадлежащем бургграфу, потому что носит бургундский крест и служит у его светлости.

– А разве вы не служите тому же господину?

– Но я не вассал бургундца, и могу служить, кому хочу. Притом ты мне принес охранный лист.

– И Шафлер достал себе такой же.

– Кто тебе сказал?

– Его оруженосец, с которым мы вышли от бурграфа в одно время. Мы и ехали с ним вместе, и от него я узнал, что Шафлер приедет сегодня сюда, на свидание с невестой. Я было не поверил ему, но он показал мне бумагу, по которой его господин может оставаться в городе до четырех часов пополудни.

– Так позволение прекращается с четырех часов, ты уверен в этом?

– Я сам читал.

– В таком случае, он не выйдет из города.

И встав из-за стола, капитан сказал своему пажу:

– Ризо, шляпу, меч и плащ!

Покуда ему подали все, что он требовал, он задумался и обратясь к Фрокару, спросил:

– Нет ли между городскими стражами воинов бурграфа?

– Есть, синьор, да и начальник их ваш друг и соотечественник.

– Хорошо, пойдем к оружейному мастеру.

И они быстро сбежали с лестницы и вышли из гостиницы «Красного Льва».

III. Заказ

Через час начальник Черной Шайки вошел в магазин оружейника.

Первый работник мастера Вальтера прилаживал на манекене полное вооружение из чистой стали, так что, казалось, стоит настоящий рыцарь. Хорошенькая Мария стояла возле него и восхищалась блестящими латами.

– И это ты сделал сам, Франк? – говорила молодая девушка с непритворным удивлением. – Знаешь, это превосходная работа. Я горжусь, Франк, что товарищ моего детства сделался таким искусным мастером.

– Полноте хвалить меня, Мария, – проговорил молодой человек, вздыхая.

– Я говорю правду, потому что знаю толк в работе. Разве можно сделать шлем лучше и красивее этого? А эти латы с золотым узором, разве это не образцовое произведение? Я уверена, что итальянцы, которые так хвастают своим искусством в резьбе, не могут сделать ничего подобного.

– Вы правы, моя красавица, – сказал Перолио, который вошел, незамеченный молодыми людьми. – Это вооружение превосходно во всех отношениях и можно сказать, что его сработал не мастер, а артист. Я был в Италии, которую почитают колыбелью искусства, и признаюсь, нигде не встречал такой изящной отделки, такого вкуса в украшениях.

С первых слов Перолио Мария покраснела от стыда и досады, что чужой подслушал ее детские речи; она посмотрела на посетителя и покраснела еще больше, потому что узнала незнакомца, который два дня тому назад приходил заказывать ее отцу большое количество оружия. Уже тогда она испугалась его, хотя он был очень учтив и любезен; ее пугал и звук его голоса и пронзительный взгляд, и она хотела по обыкновению скорее уйти.

Поклонившись капитану, она попросила его сесть и прибавила, что позовет отца, но Перолио удержал ее за руку, посадил возле себя и сказал:

– Оставайтесь со мной, моя красавица, я совсем не тороплюсь. Кроме того, вот этот молодец может потрудиться позвать мастера Вальтера.

И он указал на Франка, который осмотрев быстрым взглядом посетителя, спокойно принялся за работу и ждал ответа Марии. Но молодая девушка, не желая остаться одна с капитаном, сказала:

– Нет, мессир, Франк не должен выходить из магазина.

– Отчего это? Уж не боитесь ли вы меня, моя милая?

– Совсем не боюсь, – отвечала девушка, стараясь выказать больше уверенности, нежели у нее было.

– В таком случае пусть Франк отправится за вашим отцом. Слышишь, любезный, ступай.

Однако молодой работник не двинулся с места, продолжая вытирать тонкой кожей сталь, которая ярко блестела.

– Разве ты оглох, негодяй? – продолжал Перолио, горячась.

Франк посмотрел на него, не переставая работать.

– Будешь ты меня слушать?

– Я слушаюсь мастера Вальтера и его дочь, – отвечал Франк хладнокровно, – и не намерен повиноваться всякому встречному.

– Как ты смеешь так отвечать? – вскричал капитан, вскакивая со своего места и хватаясь за кинжал.

Увидев это, Мария воскликнула:

– Прошу вас, мессир, не сердитесь на Франка, я уверена, что он не хотел вас оскорбить.

Несмотря на угрозу итальянца, Франк не переставал спокойно вытирать латы.

– Не бойтесь, Мария! Этот кинжал – просто игрушка, и прежде чем разбойник дотрется до меня, я разможу ему голову этим молотом.

И он указал на огромный молот, лежавший возле него.

Перолио с усилием улыбнулся, и сказал:

– В самом деле, стоит ли сердиться из-за пустяков. Дворянин не должен унижаться до слесаря. Когда подобный негодяй осмелится оскорбить такого человека как я, я тотчас пошлю жалобу монфортскому бургграфу и он прикажет судить этого грубияна.

– Я не боюсь ни бургграфа, ни вас, – отвечал Франк спокойно, – потому что знаю мои права. Я свободный человек и сумею защитить себя.

– Франк прав, мессир, – сказала Мария решительным голосом, потому что привязанность к другу детства заглушила в ней робость. – Всякий гражданин города Амерсфорта свободен и, никто не смеет обижать его. Мой отец – один из первых граждан, и Франк принадлежит нашему семейству, потому что был у нас воспитан. Франк честный человек и лучший работник. Стало быть, вы не будете преследовать вашим гневом молодого человека.

Говоря это, добрая девушка оживилась, глаза ее наполнились слезами, голос дрожал от волнения. Она была поразительно прекрасна.

Итальянец воскликнул:

– Вы слишком жарко заступаетесь за этого молодчика. Может быть, друг вашего детства в то же время и друг вашего сердца?

Дерзкие слова итальянца произвели сильное действие на Марию. Она покраснела, потом волнение ее усилилось и она рыдая упала на стул.

– Не стыдно ли вам, мессир? – спросила она. – За что вы оскорбляете меня?

Франк, стоявший перед манекеном, едва расслышал обидные слова итальянца, потому что повторял про себя выражение девушки: «Он принадлежит к нашему семейству». Однако ответ Марии и ее слезы дали ему понять, что Перолио сказал дерзость и, не думая долго, молодой работник поднял тяжелый молот, бросился на капитана, сбил его с ног и подняв над ним свое оружие, закричал:

– Так погибнет всякий, кто осмелится оскорбить Марию!

Все это произошло в одну секунду, и жизнь Перолио висела на волоске, как вдруг рука Франка была остановлена и раздался громкий голос:

– Несчастный! Ты хочешь быть убийцей, да еще в моем доме?

Это был мастер Вальтер, услышавший шум в магазине и прибежавший вовремя, чтобы спасти жизнь капитану Перолио.

Итальянец был опрокинут не силой, но быстротой своего противника. Он проворно встал, оправил на себе платье и встал перед Франком, как бы вызывая его на бой. Франк готов был принять вызов, но тут был Вальтер, его учитель, отец Марии, и потому он остался неподвижен.

– Что тут случилось? – спросил Вальтер с досадой.

– Хозяин, – ответил Франк тихо, – этот человек оскорбил вашу дочь.

И он указал на Марию, которая не могла удержать слез.

– Хорошо, – сказал Вальтер, – ступай в мастерскую.

Франк вышел, бросив на Перолио взгляд, который говорил: «Между нами еще не все кончено».

– А ты, дочка, ступай встречай мать, она вернулась и спрашивает тебя.

И пока Мария шла к двери, мастер Вальтер обошел магазин, потом остановился перед капитаном, сказав:

– Что вам угодно?

– Прежде всего, мастер, я должен вас уверить, что не имел никакого намерения оскорбить вашу прекрасную дочь. Я хотел только пошутить, а ваш неуч работник погорячился некстати.

Я мог бы наказать его примерно, но не хочу. Бездельник подождет, но будет мной доволен. Повторяю еще раз, что репутация вашей дочери совершенно чиста.

– Я вам верю, мессир, – сказал оружейник. – Вы дворянин и не унижитесь до того, чтобы оклеветать молодую девушку, которую видите в первый раз. Но если бы вы и были способны на это, предупреждаю вас, что никто вам не поверит. Весь город знает дочь оружейного мастера и все уважают ее за чистоту и невинность. Все наши соседи готовы защищать ее, как Франк, и не позволят обидеть ее ни эрцгерцогу, ни бургграфу... Однако извините, мессир, я забыл, что вы пришли сюда по важному делу. Что вам угодно?

– Вот что, мастер Вальтер. Два дня тому назад я вам сделал значительный заказ. Теперь я пришел сказать, что мне нужно еще сто мечей, сто копий и сто щитов – я увеличиваю мой отряд сотней людей.

– Хорошо, мессир. Как оружейник я должен изготавливать оружие и продавать его, но я гражданин города, признавшего своим правителем бургграфа монфортского, а вы, мессир, служите у бывшего епископа Давида, которого мы низложили.

– Ну, так что?

– А то, мессир, что я не желаю доставлять оружие, которым будут нас убивать. Не думаю даже, чтобы мне было это позволено. Вы скажете мне на это, что купите оружие у другого и что нам должно быть все равно, чем бы нас ни били – если только мы будем слабее. На это я вам отвечу, что другой сделает вам, может быть, плохое оружие и мне будет не так обидно, если меня ранят копьем, которое не я делал. Итак, мессир, я не могу исполнить вашего заказа без приказа бургграфа.

– Вот вам и приказ, – сказал Перолио, подавая ему пергамент.

Удивленный мастер прочитал несколько раз приказ, осмотрел его со всех сторон, долго рассматривал подпись, печать и сказал:

– Если так, мессир, то я к вашим услугам. Работа пойдет живо.

Капитан вынул из мешка деньги и, подавая их мастеру, прибавил:

– Вот двадцать золотых каролусов в задаток. Только не забудьте, мастер, что весь заказ должен быть готов прежде окончания перемирия, то есть, к середине будущего месяца.

– Это скоро, но мы поторопимся. А что, мессир, – прибавил оружейник, – вы перешли в службу бургграфа?

– Совсем нет... Я служу Давиду Бургундскому.

Вальтер посмотрел с удивлением на капитана, потом пробормотал:

– Хорошо... Во всяком случае этот приказ для меня достаточен.

И он спрятал деньги в ящик. В эту минуту послышался на улице топот подъезжавшей лошади. Перолио выглянул в окно и сказал оружейнику:

– К вам едет гость.

Вальтер поднял голову и увидел молодого, красивого всадника, который в сопровождении конюшего въехал в аллею, ведущую во двор.

– Клянусь св. Мартином, – вскричал оружейник, – я не ожидал такого гостя! Неужели это мессир ван Шафлер! Как он осмелился явиться в город и еще белым днем! Какая неосторожность!

– Ему ничего бояться, – отвечал Перолио, – у него, наверное, есть пропуск. Прощайте, мастер. Принимайте гостя, который приехал очень кстати, чтобы осушить слезы вашей прекрасной Марии.

И начальник Черной Шайки вышел в одну дверь, в то время, как молодой ван Шафлер входил в другую.

IV. Жених

Оставим оружейника встречать нового гостя и скажем, что значили в ту эпоху начальники вооруженных шаек и какой род войны вели Голландия или, скорее, утрехтская епархия.

Увы! Это не была честная и благородная война против чужеземцев, для защиты независимости или чести отечества, это была даже не жертва во имя прав или спасения общества; нет, это была самая худшая из войн, – война партий, без знамени, война безжалостная, кровопролитная, где убийство смешивалось с грабежом, где приступы бывали отчаянные, битвы жестокие, и все это продолжалось беспрерывно до тех пор, пока одна партия исчезла совершенно, оставляя победителю не славу, но угрызения совести.

Во всех странах были подобные войны, но нигде эти ссоры и соперничества партий не были поддерживаемы с большим упрямством, как во Фландрии и Голландии. Война, о которой мы будем говорить, оставила после себя смешное название. Она названа войной «удочки и трески» и началась в 1350 году, вот по какому случаю:

Вильгельм IV, граф Геннегау, Зеландии и Голландии, умер в 1345 году, не оставив детей. Ему наследовала старшая сестра Маргарита, супруга императора Людвига Баварского. Через пять лет после смерти мужа она передала наследство брата второму своему сыну Вильгельму, который обещал выдавать ей ежегодную пенсию. Это обещание не было исполнено, потому что через несколько месяцев сын отказался от выдачи пенсии. Маргарита прибыла в Голландию, чтобы снова принять управление, от которого отказалась, но оказалось, что если легко передать корону, то очень трудно взять ее назад. Вильгельм не только не возвратил того, что получил, но решился еще вести войну с матерью. На его стороне были могущественные дворяне и главные города Голландии. Эта партия приняла название «трески», желая доказать, что она уничтожит своих противников, как эта прожорливая рыба проглатывает маленьких рыбок, попадающих ей. Партия Маргариты, хотя малочисленная, храбро приготовилась к борьбе и назвалась «удочками», как бы говоря: ловкостью и хитростью мы будем ловить наших врагов, как на удочку ловят рыб.

Мы не будем следить за всеми событиями этой печальной войны, начавшейся тем, что сын восстал против матери. Скажем только, что она продолжалась еще сто сорок лет, после смерти Маргариты и Вильгельма, поддерживаемая теми же городами, из поколения в поколение, теми же семействами.

В 1455 году, то есть почти через сто лет после начала войны, утрехтская епархия, принадлежавшая партии «удочек», лишилась своего епископа. Собрался капитул семидесяти каноников и избрал единогласно Жильбера Бредероде. Этот выбор не понравился Филиппу Бургундскому, поддерживавшему партию «трески». Он давно назначил Утрехт своему побочному сыну Давиду, который уже был епископом фероанским, и покуда капитул выбирал Жильбера, бургундский герцог выпросил у папы инвеституру Давиду.

Итак, незаконный сын герцога управлял утрехтской епархией до 1478 года, но после смерти Карла Смелого партия «удочек» усилилась и заставила Давида бежать из города. Потом победители избрали монфортского бурграфа своим правителем и он поспешил набирать войска, пешие и конные, и составил отряды для усиления городской стражи.

Епископ Давид, со своей стороны, удалился в замок Дурстед, близ города, называвшегося прежде Батаводурум, на правом берегу Лека, и оттуда начал созывать всех своих приверженцев, вооружил их и, сверх того, нанял множество вольных солдат, которые под начальством капитана разбойничали и грабили везде, где ни появлялись.

Епископ Давид, изгнанный из своей епархии, которой завладел бургграф Монфорт с помощью партии «удочек», просил помощи у императора Максимилиана, который позже принял его сторону и возвратил ему утрехтское епископство.

Вернемся к мастеру Вальтеру.

Затворив дверь на улицу после ухода Перолио, Вальтер вышел из магазина и, пройдя коридор, вошел в комнату, где обыкновенно собиралось все семейство. Это была большая квадратная комната, служившая залой, столовой и даже спальней, потому что в глубине стояла кровать Вальтера и его жены, с зелеными занавесками.

Вся меблировка была проста, но чрезвычайно опрятна. Большой камин помещался против двери, и его железные украшения блестели, как сталь. Хотя было лето, но в камине сложены были дрова, которые можно было тотчас зажечь. Занавески окна, выходящего во двор, были безукоризненной белизны. Дубовый шкаф для платья был удивительной резной работы; стол, тоже дубовый, несколько стульев и одно кресло, вот все, что было в этой комнате, не считая маленького столика, за которым работали мать и дочь.

Когда мастер вошел, Мария сидела у ног матери, старавшейся успокоить ее.

– Жена, дочь! – закричал Вальтер весело. – Готовьте скорее обед, к нам приехал гость.

– Кто это? – спросила Марта.

– Кто? Наш лучший друг, жених Марии, храбрый рыцарь, мессир ван Шафлер.

– Боже! Как же это так неожиданно? – вскричала Марта, вставая.

Мария побледнела.

В эту минуту ворота открылись перед мессиром Жаном ван Шафлером.

Это был человек лет тридцати пяти, высокий и хорошо сложенный. Густые темные усы придавали ему несколько суровый вид, но добрый взгляд смягчал эту строгость. На нем было простое платье из темного сукна, стянутое кушаком, панталоны того же цвета, длинные сапоги, кожаный нагрудник, шляпа с широкими полями и серебряным галуном. Что касается оружия, у него был только длинный меч с железной рукояткой и широкий кинжал.

Войдя в комнату, он протянул руку оружейному мастеру, который дружески пожал ее.

– Здравствуйте, мессир Жан, милости просим, дорогой гость. Здоровы ли вы?

– Благодарю, мастер. Вы тоже не изменились, а что ваша добрая Марта, моя милая Мария, все ли здоровы?

– Все, слава Богу, – отвечала Марта.

– Я очень рад, – продолжал Шафлер приятным голосом, протягивая руки матери и дочери и поцеловав и ту, и другую, что было принято в то время, в особенности в звании жениха.

– Кажется, один я немного болен, – сказал Вальтер смеясь, – и то потому, что уже двенадцать часов, а мы еще не обедаем. Жена, ступай на кухню, а ты, дочка, помоги старой Маргарите накрывать на стол.

После ухода Марты и Марии Вальтер придвинул к столу стул для своего гостя, а сам сел в кресло, в которое не садился никто, кроме хозяина дома.

– Клянусь св. Мартином, – вскричал Вальтер, – я никак не ожидал такого счастья, что мессир Жан будет со мной обедать!

– Отчего же? – спросил Шафлер.

– Оттого, что вам не безопасно днем показываться в городе. Ведь вы один из главных начальников «трески», и самая верная опора бывшего епископа Давида Бургундского. Что, если бы вас узнала?

– Не беспокойтесь, любезный Вальтер, я воспользовался месячным перемирием, которое подписано, но еще не объявлено, и получил от бургграфа позволение войти в город.

– У вас есть пропуск?

– Да, вот он.

– Прекрасно! Так вы останетесь у нас на несколько дней?

– Нет, это невозможно, я не могу даже переночевать здесь, потому что мне дано позволение только до четырех часов.

– Понимаю, мессир, вас влекло сюда не столько желание говорить со мной, сколько свеженькое личико моей Марии.

– Я не видал ее целый год, любезный Вальтер.

– И вы в это время не переменили вашего намерения жениться на ней?

– За кого вы меня принимаете, мастер?

– Все возможно, мессир.

– Вальтер! Вы меня обижаете.

– Не сердитесь, мой милый гость. В прошлом году вы просили руки моей дочери и я отвечал вам: мессир Ван Шафлер, ваше предложение очень лестно для моего отцовского самолюбия, но я не могу принять этой чести. Вы храбрый дворянин, носите достойное имя ваших предков, а Мария – дочь мещанина, работника. По добродетели и честности она вам равна, но в остальном она ниже вас, и я боюсь, что вы повинуетесь скорее вашему сердцу, а не рассудку. Следовательно, я обязан отказать вам.

– Все это так, но что я отвечал на вашу речь?

– Вы не хотели согласиться со мной.

– Я вам сказал, что прося руки Марии, действую по внушению сердца и рассудка и, кроме того, исполняю последнюю волю моего отца, которого вы, с опасностью своей жизни, спасли во время наших междоусобий. Он обязан был вам более чем жизнью – честью, потому что враги оклеветали его и вы помогли ему оправдаться. Он не забыл ваших благодеяний, и умирая, просил меня быть защитником Марии, ее мужем. «Женись на ней, сын мой, – сказал он, – я крестил Марию, привык звать ее дочерью, ты сам любишь ее».

– Я не забыл этих благородных речей, мессир Шафлер. Я был тронут и принужден уступить. Тогда я позвал Марию и сообщил ей ваше предложение. Вы помните, как бедная девушка покраснела и едва могла проговорить: «Я всегда любила мессира Жана, и с удовольствием соглашаюсь исполнить желание моего отца». Я был совершенно счастлив, только по нашему обычаю отложил окончательное решение на год, чтобы вы оба могли хорошенько обдумать и проверить ваши чувства. Год прошел, и вот почему я вас спросил, мессир: все ли еще вы хотите жениться на Марии?

Шафлер хотел отвечать, но оружейник остановил его, потому что вошла служанка с чистой скатертью, накрыла стол, поставила четыре серебряных бокала и каменный кувшин с дорогим рейнским вином.

Когда служанка ушла, Вальтер налил два бокала и, подавая один Шафлеру, поднял свой.

– В честь вашего посещения, мессир! – сказал он.

– Нет, Вальтер, погодите, – возразил Шафлер, – я провозглашу другой тост.

И подняв свой бокал, он прибавил торжественно:

– Клянусь именем всемогущего Бога, который читает в моем сердце, я люблю Марию, хочу, чтобы она была моей женой, и пью за ее будущее счастье.

– Аминь! – сказал оружейник и осушил бокал.

В эту минуту вошла Марта с дочерью; за ними Маргарита несла большое блюдо с дымящимся мясом.

Все сели за стол. Обед состоял из бараньего мяса, селедок, гороха и моркови. Пиво пили из оловянных стаканов; только один хозяин пил вино, чтобы составить компанию гостю.

Маргарита села за стол вместе с господами, потому что по тогдашнему обычаю почетные слуги и лучшие работники обедали вместе с хозяевами. Одно место оставалось пустым, и Вальтер заметил это:

– Что же не идет Франк, разве он сегодня не хочет обедать?

– Я его звала два раза, – отвечала Маргарита, – только он так расстроен, что кажется, не слышал. Не знаю, что с ним сегодня случилось.

– Вот и он, – заметила Марта.

Франк вошел бледный; почтительно поклонился мессире Шафлеру и сел на свое место возле Маргариты, против Марии.

Все умолкли, Вальтер встал и громко прочитал молитву, потом налил себе вина и выпил, желая всем хорошего аппетита.

– Что с тобой, Франк? – сказал он, подавая мясо Шафлеру. – Верно ты не голоден, что забыл час обеда. Обыкновенно ты не заставляешь себя дожидаться.

– Извините, мастер, – отвечал молодой человек со смущением, – я был занят... я не слышал, что меня звали.

– Понимаю! – сказал оружейник. – Ты сердишься, что я помешал тебе отправить на тот свет человека.

– Франк – убийца? – спросил удивленный Шафлер.

– Да, поверите ли, мессир, что если бы я пришел в магазин двумя минутами позже, этот молодчик убил бы дворянина, как быка, молотком в голову. Да знаешь ли, любезный, что ты за эту шутку не отделался бы даже деньгами? Дворяне отплачивают за убийство золотом; это их привилегия, а ты, бедный Франк, несмотря на все твое искусство в оружейном мастерстве, попал бы прямо на виселицу.

– Что мне за дело! – вскричал Франк. – По крайней мере, он бы в другой раз не оскорбил нашей Ма...

Шафлер понял в чем дело и сказал:

– Стало быть, дело важнее, нежели я думал; оскорблена женщина, и эта женщина Мария!

Вальтер сказал:

– Оскорбления никакого не было. Франк истолковал в дурную сторону шутку, какую часто позволяют себе дворяне. Стоит ли обращать на это внимание?

– Однако кто этот дворянин, как зовут шутника? – : настаивал жених.

– Вы должны его знать, – проговорил мастер. – Ведь он служит вместе с вами у Давида Бургундского. Он называет себя графом Перолио.

– Перолио! – вскричал Шафлер, покраснев от негодования и вскочив с места. – Перолио начальник черных разбойников. И он смел коснуться Марии! Он заплатит жизнью за это оскорбление.

Все начали успокаивать Шафлера, но тот продолжал:

– Зачем приходил сюда этот бездельник? Что ему надобно?

– Он заказал мне копья, щиты, шлемы, панцири; кажется, он набирает солдат в свою шайку.

– Зачем же он обратился именно к вам?

– Он не нашел оружейника лучше меня.

– Однако вы принадлежите другой партии.

– Правда; зато я повинуюсь приказу монфортского бурграфа.

– Что это значит? Объяснитесь.

– Вот приказ бурграфа, прочитайте его и вы увидите, что мне не в чем упрекнуть себя.

И он подал Шафлеру пергамент, полученный от Перолио.

Как бы не веря своим глазам, Шафлер прочитал два раза пергамент и проговорил:

– Да, это подпись бурграфа, его рука.

– Это вас удивляет, мессир Жан? Признаюсь, и я удивился и не могу понять, зачем бурграфу угодно, чтобы враги его были хорошо вооружены?

– Однако, – сказал дворянин, прочитав приказ в третий раз, – вы должны передать оружие самому бурграфу и в его собственном замке.

– Да, в собственные руки.

– Когда же?

– Через месяц.

– Значит перед окончанием перемирия. Стало быть, этот Перолио изменник.

– Неужели монсиньор Давид доверяет такому человеку?

– Кто он! – вскричал дворянин. – Он называет себя дворянином, и это, может быть, справедливо, потому что теперь много дворян, недостойных своего имени, которые набирают шайки, по примеру знаменитых кондотьеров Фортебраччио, Бонконсильо и других, и продают свою храбрость тому, кто им больше заплатит. Перолио храбр и имеет воинские способности, но возбуждает ужас и отвращение своими зверскими поступками. Его шайка набрана из двух тысяч самых отчаянных негодяев, хорошо вооруженных и на отличных лошадях; все они привыкли к войне, готовы на все и страшны для тех, против кого идут и для тех, кому служат, потому что первое их правило – убийство и грабеж. Они боятся только своего начальника и повинуются ему только потому, что он дает им пример в жестокости и разбоях. Для него проливать кровь не только удовольствие, но необходимость, и он нападает сегодня на того, кому служил вчера. Это тигр, которому нужна жертва, который дерется не с целью, не за партию, а для одной добычи, чтобы вести роскошную и развратную жизнь.

– Такой человек Перолио. Он ненавидит меня и поклялся мне отомстить.

– За что?

– Два месяца тому назад я делал рекогносцировку близ Дурстеда, как вдруг услышал стоны в бедной лачужке. Я вбежал туда и увидел трех солдат из Черной Шайки, которые били старуху, недавно поселившуюся в епархии, и называемую то сумасшедшей, то колдуньей. Эта старуха знает целебные свойства многих трав и вылечивает больных; она также предсказывает будущее. К ней вошли солдаты Перолио, ища добычи, но она начала проклинать их, называя разбойниками и убийцами. За это они хотели убить несчастную, но я приказал им тотчас же выйти. Один из них смел замахнуться на меня, и пал мертвый, другие убежали, грозя мне гневом капитана. Действительно, Перолио пожаловался на меня епископу Давиду и требовал, чтобы я заплатил огромную сумму за убийство одного из героев Черной Шайки. Я отвечал, что ничего не заплачу, потому что наказал злодея и готов поддерживать мечом справедливость моего поступка. Перолио хотел отвечать вызовом, но епископ приказал нам помириться. Я тотчас же протянул руку моему врагу и Перолио сделал то же; только вы знаете его привычку не снимать перчатки, особенно с правой руки, а протянутая рука была в черной перчатке. «Снимите перчатку, сеньор граф», – сказал я и опустил свою руку. Но Перолио вспыхнул и выбежал из комнаты, даже не поклонившись епископу.

Любопытство слушателей было возбуждено в высшей степени.

Мастер спросил:

– Скажите, отчего монсиньор Давид, служитель церкви, берет на службу подобного разбойника?

– Это делается по необходимости, – отвечал Шафлер. – Многие города северной Голландии, хотя и приверженные к партии «трески», отказываются выставить солдат, а герцог Максимилиан очень занят своими делами, чтобы помогать монсиньору. Вот почему последний принужден был нанять Перолио.

– И вы думаете, мессир, что злодей готовит какую-нибудь измену? Вы хорошо бы сделали, если бы предупредили епископа.

– Я обязан это сделать, как честный дворянин.

– А теперь, мессир Жан, не пора ли отложить важные дела и продолжать обед?

– Охотно, Вальтер.

Когда подали простой десерт, состоявший из бисквитов, масла, трех сортов сыра, орехов и пирожков, Маргарита встала, по обыкновению, и хотела уйти, но хозяин остановил ее словами:

– Маргарита, принеси нам еще кувшин рейнвейна и дай всем серебряные бокалы.

Старуха повиновалась. Когда все бокалы были наполнены, Вальтер обратился к Марии:

– Дочь моя, надеюсь, что ты не забыла, какое предложение сделано было тебе год тому назад?

– Помню... – прошептала Мария.

– И с тех пор, – продолжал Вальтер, – я надеюсь, мысли твои не изменились?

– Нет...

– В таком случае, – сказал отец вставая, – выпьем за здоровье жениха с невестой и за будущий их союз.

Все встали, кроме Франка; старая Маргарита напрасно толкала его, наконец взяла и приподняла.

– Господи Боже, – говорила Марта, – что с тобой, мой бедный Франк?

– Клянусь св. Мартином, – вскричал Вальтер, – он не мог переварить выходки Перолио, и она так сильно взволновала его, что довела почти до удара. Успокойся, мой друг. Стоит ли такой негодяй, чтобы хворать из-за него! Выпей стакан вина, это поправит тебя.

– Благодарю, хозяин, – отвечал Франк, стараясь оправиться. – Мне совестно, что я опечалил ваш праздник. Я не виноват, позвольте мне уйти.

– Ступай, любезный, может быть, на воздухе тебе будет легче.

Франк вышел. Мария успела скрыть волнение, которое, впрочем, можно было приписать внезапной болезни первого работника, а Вальтер продолжал веселым тоном:

– Теперь, друзья мои, остается только назначить день свадьбы и, с Божьей помощью, день этот наступит скоро.

Мария бросила умоляющий взгляд на мать, и добрая Марта сказала мужу:

– Что ты, Вальтер! Разве благоразумно назначать свадьбу, когда война может быть объявлена со дня на день? Обвенчанная дочь не будет уже жить с нами, потому что ее супруг не имеет права входить в город; мессир ван Шафлер не захочет, чтобы жена его жила с ним в лагере или была одна в его замке, подвергаясь оскорблениям разбойников. Нет, я уверена, мессир согласится со мной, что надобно ждать окончания войны, а потом затевать свадьбу.

– Да, ты права, жена, – проговорил мастер. – Моя Марта дает иногда хорошие советы. Но что вы скажете на это, мессир Жан?

Шафлер задумался на минуту, потом покачал грустно головой.

– Да, любезный Вальтер, жестокая война снова разгорится. Вчера еще я думал, что мир будет подписан прежде окончания перемирия, но увидев приказ бурграфа, уверился в противном. Правитель епархии вооружается, и мы готовы отвечать ему, если только герцог Максимилиан не остановит всего своим скорым приездом. До тех пор надобно следовать совету доброй Марты, и хотя мне тяжело отсрочить мое счастье, но я клялся защищать права епископа Давида и должен сдержать клятву.

– Ваше решение благородно, любезный мой зять, потому что теперь я могу называть вас зятем; хоть я не дворянин, а просто работник, но честный человек никогда не откажется от своего слова.

Шафлер встал и, подойдя к Марии, сказал нежно:

– Теперь позвольте мне, моя прекрасная невеста, в память этой минуты, связывающей нас на всю жизнь, вручить вам вещь, которую носила моя святая мать и на которой я клянусь любить вас и уважать, как графы ван Шафлер всегда любили и уважали своих супругов.

Он вынул из мешочка прекрасную золотую цепь с алмазным крестом и надел на шею Марии.

С тех пор, как Франк вышел из комнаты, молодая девушка впала в такую задумчивость, что не слыхала почти ничего, что вокруг нее говорили. Она опомнилась, когда Шафлер, стоя перед ней, надел ей цепь с драгоценным крестом. Волнение ее стало так сильно, что она не могла сказать ни слова. Когда же отец стал подсмеиваться над ее смущением и говорить, что

такой подарок стоит поцелуя, она молча повернула свою хорошенькую голову к Шафлеру и тот поцеловал ее первым страстным поцелуем влюбленного жениха.

– Хорошо, дочка! – вскричал обрадованный мастер. – Это для жениха самый лучший подарок, которого он долго не забудет. Но этого мало. Надобно было приготовить ему что-нибудь – ты, верно, не подумала об этом?

И, не дав отвечать дочери, он продолжал:

– Я знаю, что ты ничего не приготовила, зато твой отец подумал за тебя. Я заплачу твой долг, и для этого прошу мессира проводить меня в магазин.

Шафлер пошел за Вальтером в магазин, где Франк сидел за прилавком на месте Марии, погруженный в тяжкие думы. Услышав шаги, он быстро встал, бледный и с красными глазами.

– Лучше ли тебе, друг? – спросил его Вальтер.

– Лучше, благодарю вас, – отвечал молодой человек слабым голосом.

– Берегись же, мой милый, и впредь не горячись из-за пустяков.

Потом, показав Шафлеру превосходное вооружение, выделанное Франком, мастер сказал:

– Вот подарок Марии, мессир. Вы можете им гордиться, потому что это образцовое произведение – и вот кто сработал его!

Вальтер указал на Франка.

Шафлер, как знаток оружия, не мог не удивиться отличной отделке лат. Он подошел к Франку и сказал:

– Франк, я вас люблю, как друга и достойного ученика почтенного человека, к семейству которого я буду скоро принадлежать; теперь же я уважаю вас как редкого художника, как благородного, храброго молодого человека, который не допускает, чтобы при нем оскорбили слабое существо.

Франк был тронут этими словами.

– Эти латы, – продолжал Шафлер, – будут мне вдвойне драгоценны, потому что это ваша работа и с ними будет связано воспоминание о том, что вы защитили от оскорбления мою невесту. Вот моя рука, Франк, дайте мне пожать вашу, как руку брата и друга, и помните, что вы всегда можете располагать мной. Я ваш друг на жизнь и на смерть.

Молодой работник не мог удержать слез и, сжав крепко руку Шафлера, вскричал:

– И я клянусь быть самым верным, самым преданным другом жениха Марии! Если я изменю моей клятве, пусть Бог накажет меня.

– Аминь! – проговорил Вальтер. – Я уверен, что никто из вас не изменит клятвы. Теперь пойдемте в комнату.

У. Западня

Когда все трое вошли в комнату, там находилось новое лицо странной, смешной наружности. Это был человек не выше трех футов, с огромной головой, почти квадратный, на коротеньких ножках. Нельзя было смотреть без смеха на эту живую карикатуру, но лицо карлика выражало столько доброты, что под безобразием заметна была душа, смелость и преданность. Еще мальчиком бедный Генрих много терпел насмешек и дурного обращения, особенно от хозяина своего, трактирщика, у которого служил на конюшне. Шафлер, увидев однажды, как мучили бедного уродца, сжалился над ним и взял его к себе. Генрих начал упрашивать его, чтобы он дал ему место конюшего.

– Я знаю, мессир, – говорил он, – что такому красивому дворянину, как вы, не очень приятно взять в службу уродца, но ваша красота выиграет еще более от моего безобразия, и притом вы знаете, что если оболочка моя дурна, то сердце доброе, готовое жертвовать вам всем, даже жизнью. Вы не раскаетесь в вашем добром поступке. Я буду следовать за вами везде, как собака, дома буду служить вам, на войне не отойду от вас и буду счастлив, если приму удар, назначенный для моего господина.

Шафлер исполнил желание карлика и, как докажет эта история, доброе дело принесло ему пользу.

При виде конюшего графа, оружейник не мог удержаться, чтобы не захохотать; но Генрих, привыкший производить такое впечатление, не обратил на это внимания и, кланяясь почтительно своему господину, сказал:

– Простите, мессир, что я осмелился придти сюда без вашего позволения... но случилось важное дело...

И конюший осмотрелся кругом и заглянул даже в дверь, как бы боясь, не подслушивают ли его.

– Что такое, Генрих, – спросил Шафлер, смеясь, – кто тебя потревожил?

– Я не знаю, должен ли я говорить, мессир.

– Здесь все мои друзья, говори.

Генрих низко поклонился всем присутствующим и продолжал:

– Итак, мессир, эти собаки «удочки», – извините мессир оружейник, я говорю не про вас, потому что и между разбойниками бывают порядочные люди, – эти злодеи «удочки» хотят поймать вас в западню и поужинать сегодня «треской».

Вальтер не смеялся более, но с беспокойством смотрел на молодого дворянина, который, не придавая большого значения словам своего конюшего, спросил:

– Как же ты узнал об этой западне, Генрих?

– А вот послушайте, мой добрый господин. Я отвел наших лошадей в гостиницу «Белого коня», потому что она принадлежит прежнему моему хозяину, и я очень рад, что теперь могу приказывать ему и он обязан мне служить. Я сам смотрел, как этот негодяй задал овса нашим лошадям и, надобно признаться, что он угостил их на славу; верно боялся меня, мошенник. Когда я вышел из конюшни, то заметил, что мой прежний мучитель стоит у ворот и с жаром разговаривает с поселянином, которого назвал Фрокарром. Увидев меня, оба замолчали и начали смеяться над моей красотой. Настоящие разбойники!

– Ты бы поменьше употреблял эпитетов, – заметил молодой граф, – тогда рассказ твой был бы яснее и короче.

– Повинуюсь, и буду даже говорить учтиво об этом висельнике. Я не обратил внимания на смех бездельников и спокойно пошел прогуливаться к городским воротам. Там есть группа кустарников, в тени которых я расположился отдохнуть, как вдруг увидел, что к тому же месту

подходят оба разбойника... извините, мессир, но я не могу назвать учтивее людей, которые составили против вас заговор.

– Заговор! – вскричал Вальтер. – Говори скорее, в чем дело?

– Я вам все расскажу по порядку... Они говорили: «Он не должен выйти из города; мы получим два золотых, если поймем „треску“. Это сделать не трудно, и право будет на нашей стороне, если мы его удержим до четырех часов».

Машинально все глаза обратились к часам, которые показывали только три.

Генрих продолжал:

– Это говорил крестьянин, а злодей трактирщик отвечал: «Да как же нам удержать его?

Он не будет так глуп, чтобы просрочить время».

– Разумеется, нет! – вскричал Вальтер.

– А крестьянин возразил: «Прежде всего ты не допустишь эту обезьяну конюшего... это он про меня говорил, разбойник... вывести лошадей из конюшни; потом мы уж уговорились с капитаном, охраняющим ворота, что число солдат его будет удвоено, решетка опущена и запрещено будет поднимать ее без позволения, а капитан придет только, когда пробьет четыре часа. Тогда треска попадет на удочку, а в наши карманы попадут деньги».

– Недурно придумано, – сказал Шафлер.

– Еще крестьянин прибавил, что надобно привлечь на их сторону начальника городской стражи, чтобы он не помешал этой измене. Тогда разбойники удалились, а я со всех ног побежал в гостиницу, оседлал наших лошадей, бросил деньги в ясли и пришел сюда, предупредить вас о заговоре.

Оружейник уже не находил карлика смешным и с чувством пожал ему руку.

– Ты славный малый, – сказал он, – и может быть спасешь жизнь твоего господина. Ясно, мессир Жан, что против вас составлен заговор и вас хотят захватить.

– И, вероятно, эту западню устроил ваш враг Перолио, – заметил Франк.

– Больше некому, – отвечал граф. – Он один способен придумать такую неблагородную шутку. Но он может ошибиться. Чтобы поймать треску, надобно крепкую удочку, и не одну.

– Однако, мессир, надо обдумать дело хорошенько, – сказал Вальтер спокойно, но решительно. – Во всяком случае, вы можете надеяться на меня и на Франка. Не правда ли, сын мой?

– Да, хозяин, я обещал мессиру Шафлеру безграничную преданность.

– Отправимся же, дети мои, – сказал Вальтер, – потому что время уходит. Ты, Франк, выбери четырех самых сильных работников и следуй за нами в ста шагах.

– Хорошо, мастер.

– Не вели им снимать рабочих передников, чтобы подумали, что они идут с работы.

– Не взять ли им оружие?

– Нет, довольно с них и палок со свинцовыми концами, да пусть под передниками спрячут ножи.

– Все будет исполнено.

– Скажи также, чтобы Маргарита дала каждому по кружке пива и по стакану вина.

Франк вышел, а Шафлер, надевший, с помощью Генриха, свой нагрудник, взял меч. Но Вальтер, найдя, что будущий его зять недостаточно вооружен, подал ему секиру с костяной ручкой, которую вынул из шкафа, а сам взял короткий, но широкий меч.

На лицах Марии и ее матери выражалось сильное волнение. Бедная Марта хотела успокоить дочь, но когда увидела, что муж вооружается, произнесла:

– Вальтер, ради Бога, что ты делаешь?

– Успокойся. Ты знаешь, что я не забияка, но нельзя же не защищать себя. Правда, бывают минуты, когда кровь кипит во мне, как у молодого человека, но это ненадолго, и я опять делаюсь флегматиком. Будь уверена, что все устроится к лучшему. Я имею влияние на

добрых граждан нашего города и надеюсь, что они меня послушаются. Но пора, любезный зять, отправимся в путь.

– Прощайте, матушка, прощайте, Мария, – сказал Шафлер, обнимая их, – даст Бог, скоро увидимся.

Вальтер и граф поспешно вышли. Генрих подвел своему господину лошадь, но он хотел дойти пешком до городских ворот, которые были недалеко, и потому велел вести лошадей. Подойдя к ним, Вальтер, осмотрев все, сказал:

– Генрих не обманул нас. Решетка опущена, стража бурграфа удвоена, но и городская наша гвардия тут же. Прошу вас, мессир, позвольте мне поговорить с ними и не вмешивайтесь до времени. Все зависит от хладнокровия.

Входя под своды ворот, Вальтер оглянулся, заметил приближение Франка с товарищами и Генриха с лошадьми и проговорил:

– Хорошо, все на своих местах, начнем атаку.

– Ворота заперты, – закричал солдат бурграфа, стоявший на часах, – сегодня никого не выпускают из города.

– Это что за новость? – отвечал оружейный мастер. – Обыкновенно решетку опускают в пять часов.

– Может быть!

– В таком случае, любезный, потрудись поднять решетку, потому что мне надобно идти за город.

– Нельзя, – проговорил солдат грубо.

– Разве ты командуешь этим постом? – спросил Вальтер строго.

– Нет не я, но мне приказано никого не выпускать.

– Где ваш начальник?

– Капитан ушел.

– Да мне и не надобно капитана. Охранение города поручено гражданам, и я хочу видеть начальника городском стражи, а не иностранца, наемника бурграфа.

Вальтер намеренно возвысил голос, потому что городские стражи вышли из караульни и с удовольствием слушали слова мастера, льстившие их самолюбию. Так как начальник их был тут же, то он выступил вперед и сказал:

– Вы правы, мастер Вальтер. Здесь должен командовать начальник алебардчиков. Скажите, что вам угодно?

– Вот это начальник, так начальник, – сказал мастер весело. – Это начальство я готов всегда признать. Здравствуйте, мастер ван Шток, здоровы ли ваши домашние? Как идет пивоварня? Наверное, хорошо. Очень рад.

И он дружески пожал руку товарищу.

– Что это значит, любезный ван Шток, – продолжал он, – что сегодня решетка опущена так рано?

– Право не знаю, это капитан воинов приказал ее опустить.

– Разве боятся нападения монсиньора Давида?

– Что вы, какое нападение! – сказал другой алебардщик, ведь у нас перемирие.

– А! Это вы, ван Брук, – сказал оружейник, обращаясь к подошедшему гражданину. – Сегодня ваша очередь стеречь ворота. Вы редкий гражданин, потому что при вашем слабом здоровье могли бы и отказаться от должности.

Ван Брук был высокий, толстый мужчина, у которого была страсть жаловаться на воображаемые болезни. Он только улыбнулся на слова Вальтера и тяжело вздохнул.

– Что ж, товарищи, – продолжал хитрый оружейник, – прикажите поднять решетку; я хочу прогуляться за городом с моим гостем.

Алебардщики посмотрели в смущении друг на друга, не зная что делать, но часовой отвечал за них.

– Для вас можно поднять решетку, потому что вас все знают, но ваш гость должен ждать возвращения капитана.

– Позволь тебе заметить, любезный, – возразил Вальтер, – что ты напрасно отвечаешь, когда тебя не спрашивают. Я привык говорить с хозяевами, а не с их слугами. Вот почему я обращаюсь к гражданам Амерсфорта, которые одни имеют право здесь командовать. Неужели мы позволим распоряжаться у нас наемным солдатам бургграфа? ван Шток, ван Брук, неужели вы повинуетесь наемникам?

– Нет, нет, мы здесь начальники! – вскричали граждане. – Никто не смеет командовать нами.

– Я тоже думаю, что наши права должны быть уважаемы. Прикажете же выпустить нас, потому что нам надобно торопиться.

– Да, – сказал ван Шток, – я прикажу поднять решетку.

– И прекрасно! – кивнул Вальтер. – Да здравствует городская стража!

– Только подождите немного, мастер, я пошлю за капитаном; он сейчас придет.

– Зачем вам капитан?

– Да ведь он запретил...

– Так стало быть, он здесь старший? Так бы и сказали. Теперь я буду знать, что ваши алебарды ничего не значат и что город стерегут наемные солдаты. Граждане свободного города Амерсфорта не смеют выйти за город без позволения иностранного капитана! Клянусь св. Мартином, я и не подозревал, что у нас такие обширные права. Скажите, ван Брук, не надобно ли просить позволения капитана, если мы захотим обедать часом раньше. Ведь он назначает же часы наших прогулок?

Эти иронические слова произвели действие.

– Он смеется над нами, – ворчали алебардщики. – Оружейник много себе позволяет!

– Ну, да, смеюсь, – сказал Вальтер, к которому подошли его работники и его несколько молодцов. – Я говорю, что вам стыдно повиноваться солдатам бургграфа, подло унижаться перед иностранцами.

– Оружейник прав! – вскричали многие голоса, подстрекаемые Франком и его товарищами. – Мы не хотим унижаться, не хотим слушаться наемников.

– Так кто же смеет не выпускать нас из города? – произнес Вальтер. – Вы видите, что права наши нарушены.

– Да вас никто и не задерживает, – заговорили солдаты, выстроившиеся перед решеткой, – вы можете идти за город, только мы не выпустим дворянина, который с вами.

– По какому праву? – спросил Шафлер, которому надоело молчать.

– Не наше дело, нам приказано.

– Но вы служите бургграфу, вы должны ему повиноваться?

– Без сомнения.

– Так вот приказ бургграфа выпустить меня из города. Поднимите решетку.

И Шафлер показал офицеру свой пропуск, но то отвечал:

– Я не умею читать.

Вальтер взял бумагу, и показав ее ван Штоку сказал:

– Ну, так этот умеет читать! Разве это не подпись бургграфа?

– Не мое дело, – возразил офицер. – Я знаю своего капитана. Подождите немного; он скоро придет и велит пропустить.

– В самом деле, отчего вам не подождать? – проговорил начальник милиции. – Ведь вам говорят, что капитан придет через несколько минут.

– Собаки, а не граждане! – проворчал оружейник сквозь зубы. – Ни рыба, ни мясо! Разве вы не видите, что эти бездельники составили заговор против храброго дворянина и ждут, чтобы прошел час, назначенный в пропуске, чтобы арестовать его?

– Неужели? – сказал ван Шток так же хладнокровно. – Ведь это не совсем честно.

Прочие алебардчики сняли свои шапки перед графом, но ни один ни трогался с места.

Между тем Франк, сговорившись со своими товарищами, подошел к Шафлеру и сказал ему:

– Мессир, надобно решиться на отчаянный поступок, или все будет потеряно. Сейчас бьет четыре часа, и с первым звонком колокола явится капитан с другими солдатами, чтобы арестовать вас. Мастер Вальтер потерял много времени с разговорами; наемники не уступят, а граждане очень слабы. Садитесь на лошадь и обнажите меч, а мы ворвемся силой в караульную и, добравшись до цепи, поднимем решетку.

– Хорошо, Франк, мое терпение уж истощилось. Вперед!

Подозвав Генриха знаком, он ловко вскочил на лошадь и, подъехав к самым воротам, закричал:

– В последний раз, солдаты бургграфа! Хотите ли повиниться вашему господину и пропустить меня? Поднимите решетку!

Удивившись этим приказаниям, солдаты не знали, что отвечать, но не двигались с места, никак не воображая, чтобы один человек осмелился напасть на двадцать четыре солдата. Но граф бросился в середину их, размахивая мечом на обе стороны, а за ним пробирался карлик на своей черной лошадке, размахивая секирой, данной Вальтером.

Произошла суматоха. Франк с товарищами и другими работниками бросился на солдата, крича: «Смерть наемникам!» Палки и ножи пошли в дело. Солдаты, со своей стороны, защищались отчаянно. Но так как они не ждали нападения и пищажи их не были заряжены, при том же и гражданская стража, вероятно одумавшись, направила против них свои длинные алебарды, то солдаты хотели уже отступить, как вдруг офицер закричал им:

– Ребята, держитесь еще одну минуту. Сейчас бьет четыре часа и капитан подходит. Прижмитесь к стене и не допускайте до цепи решетки.

Свалка возобновилась с большим ожесточением. Угрозы, проклятия слышались со всех сторон; одни порывались к цепи, прикрепленной машиной, другие оттесняли нападающих. Вдруг раздался первый удар колокола.

– Четыре часа! – закричали солдаты бургграфа. – Победа! Победа!

– Нет еще, – вскричал Франк, который сделал последнее усилие, оттолкнул двух солдат, закрывавших собой машину, бросился на офицера, который держал ручку машины и ударил его так сильно палкой по голове, что тот упал.

В эту минуту раздался третий удар колокола.

– Он погиб! – вскричал Вальтер с отчаянием.

– Нет, он спасен! – раздался голос Франка. – В галоп, мессир, в галоп, решетка поднята!

Действительно, проезд был свободен благодаря храбрости работника, и Шафлер, прищипорив лошадь, взмахнул еще раз мечом и с последним ударом колокола был за воротами.

В эту самую минуту у входа в караульную показался капитан с новым отрядом солдат.

– Поздно! – вскричал переодетый крестьянин, которого называли Фрокарром, который смотрел из-за угла на битву, не принимая в ней участия.

VI. Ночь после битвы

Прошло несколько часов после отъезда ван Шафлера, и волнение, причиной которого он невольно был, скоро успокоилось. Пробыло десять часов, улицы опустели, и если бы не пронзительный голос и трещотка ночного сторожа, можно было бы слышать шорох мыши.

Семейство оружейника собралось, по обыкновению, к ужину, но на этот раз ужин был невеселый; все молчали и, казалось, были погружены в тяжкие думы.

Даже Вальтер, всегда разговорчивый и беззаботный, не проронил ни одного слова и не дотронулся до второй кружки пива. Это была важная примета, потому что он привык каждый вечер выпивать по три кружки.

Вдруг раздался стук в дверь, ведущую в аллею.

– Я вам говорил, что это должно быть! – вскричал Вальтер. – Я хорошо знаю наши законы.

– Да ты ничего не сказал нам, – отвечала испуганная Марта.

– Не сказал, так думал, – возразил мастер.

В двери застучали сильнее.

– Ну что ж, надобно отворить. Нельзя сопротивляться закону, – сказал Вальтер.

Оттолкнув Франка и Маргариту, которые встали, он взял лампу и пошел сам к наружной двери.

– Кто там? – спросил он.

– Я, Ван-дер-Эльс, судья. Отворите поскорее, мастер Вальтер, и не шумите.

Оружейник отпер дубовую дверь и удивился, что судья был один, а не в сопровождении солдат.

– Вы один, судья? – проговорил он.

– Я теперь не судья, а ваш друг Ван-дер-Эльс. Запирайте поскорее дверь, чтобы не узнали, что я был у вас, и ведите меня к вашему ученику Франку, если он дома.

– Он ужинал с нами, – сказал оружейник и ввел его в общую комнату. Судья поклонился Марте и Марии и, сев на кресло, обратился к Франку:

– Молодой человек, я знаю, что происходило сегодня у городских ворот, и знаю несчастную причину драки; к вам я пришел за тем, чтобы спросить: можете ли вы оправдаться в том, в чем вас обвиняют?

– В чем нас обвиняют? – спросил Франк.

– Вы ударили офицера, который защищал цепь решетки?

– Это правда, мессир.

– Несчастный! А знаете ли вы, что офицер этот умер?

– Боже мой! Офицер бургграфа убит! – вскричала Марта с ужасом, а Мария побледнела.

– Это еще опаснее, нежели я думал, – сказал Вальтер.

– Да, – сказал судья. – Вы, может быть, не знаете закона, что всякий гражданин или простолюдин, который осмелится ударить военного, выдается начальнику отряда и тот имеет право тотчас казнить его. Вот участь, которая ожидает вас, молодой человек.

– Сжальтесь над ним, спасите! – вскричали мать и дочь, бросаясь к ногам судьи.

– Что вы просите, друзья мои! Что я могу сделать? Я знаю, что Франк честный и храбрый малый, и что он хотел спасти из западни вашего друга, но капитан наемников знает свои права и воспользуется ими завтра утром. Франк будет взят и повешен, и я пришел предупредить вас об этом.

– Бедный Франк, – говорила рыдая Марта, не замечая, что ее дочь лишилась чувств.

– Какое несчастье! – сказал Вальтер. – Верно Франку суждено было стать убийцей.

– Это правда, мастер, – отвечал молодой работник, – и лучше бы я убил Перолио. Бедный офицер не сделал мне никакого зла.

– Друг мой, Ван-дер-Эльс, – продолжал Вальтер, сжимая руку судьи, – нет ли средства спасти его?

– Никакого. Капитан уже был у меня с приказом бурграфа, чтобы я выдал ему виновного. Я хотел отговориться тем, что не знаю убийцы, но он сам назвал мне Франка, первого работника у оружейника «Золотого шлема». Что мне было делать, друг Вальтер! Разве я мог послушаться приказа бурграфа, закона? Однако я отвечал, что город наш имеет свои привилегии и, что после звона ночных сторожей я не имею права войти в дом первого синдика оружейного цеха, где живет обвиненный.

– О, если бы наши привилегии помогли нам спасти этого несчастного! – произнес Вальтер. – Если бы завтра, когда придет судья, Франк был в безопасном месте... Надобно воспользоваться несколькими часами ночи и спасти его.

– Да, Франк, – проговорила Марта, – беги сейчас же в Гарлем, к нашему родственнику Гюйсману... он тоже оружейный мастер.

– Там он, конечно, был бы в безопасности, – проговорил Вальтер, – только как выйти из города? Теперь ворота заперты и солдаты стерегут их. Нельзя ли, чтобы он переделся и вышел из города?

– Нет, это очень опасно, – отвечал судья, – потому что солдаты будут строго всех осматривать. Здесь его тоже невозможно спрятать, потому что, по закону, укрыватели преступников наказываются смертной казнью.

– Я не хочу, чтобы за меня страдали другие! – произнес Франк.

В это время Вальтер, ходивший по комнате, остановился, говоря сам с собой:

– Какая мысль... попробуем. Не плачьте, дети, я нашел средство!

– Слава Богу! – воскликнула Марта. – Отец спасет бедного Франка.

– Что же это такое, друг Вальтер? – спросил с любопытством судья.

– Вот что. Вы знаете, что почти возле городских ворот у меня есть сарай, в котором стоит телега для перевозки тяжестей. Сосед мой, пивовар ван Шток, просил у меня эту телегу на завтрашнее утро перевезти в ней десять бочек пива в монастырь св. Агаты. Я дал ему ключ от сарая, и так как он отправляет пиво рано утром, то вероятно бочки уже положены на телегу.

– Что же потом, мастер?

– Послушайте, мессир Ван-дер-Эльс, утопающий хватается за соломинку, отчего нам не схватиться за бочку?

– Как это?

– А вот как. У меня есть другой ключ от сарая, и если бочки сложены на телегу, то Франк спасен.

– Каким образом?

– Мы выьем дно одной бочки, выльем куда-нибудь пиво (я заплачу за него ван Штоку). Франк влезет туда и просверлит несколько дырочек, чтобы проходил воздух, я вставлю опять дно, только не так крепко, чтобы его можно было выбить ударом кулака.

Судья покачал головой, как бы сомневаясь в успехе этого предприятия.

– Не отнимайте у нас надежды, Ван-дер-Эльс. Другого средства нет, отчего не попробовать это?

– Делайте, как хотите, и Бог поможет вам. Только не говорите, что я был у вас.

И судья простился с хозяевами, а Вальтер проводил его, посмотрев сперва, нет ли кого на улице.

Войдя опять в комнату, оружейник увидел, что Франк печально сидит в углу.

– Что же ты, друг? Надобно торопиться, пойдем. О чем ты задумался?

– Я думаю, мастер, не лучше ли мне остаться здесь и ждать заслуженного наказания. Я могу погубить и вас, спасая свою жизнь, которая мне самому в тягость.

– Что это значит, Франк? Ты боишься, что я попаду в беду, но разве ты не принадлежишь к моему семейству? Разве ты не защищал того, который тоже будет принадлежать к моему семейству? Кому ж хлопотать о тебе, как не мне? Ты говоришь, что жизнь тебе в тягость... в двадцать два года! Это что-то странно... Верно ты был у нас очень несчастлив? Верно, Марта и я притесняли тебя и обижали? Стало быть, я дурно сделал десять лет тому назад, что взял бедного сироту и воспитал его как сына?

– О мастер! Не говорите этого, прошу вас, – умолял Франк, плача как ребенок.

– Ты не жалеешь своей жизни, неблагодарный! Но вспомнил ли ты о тех, кого оставляешь? О Марте, которая любит тебя так же, как свою дочь, о Марии, твоей сестре, которая не может осушить своих слез, наконец подумал ли ты обо мне? Я воспитал тебя, научил своему ремеслу и горжусь тобой, как моим сыном. Неужели ты думаешь, что и мне не жаль потерять тебя? Клянусь св. Мартином, я буду бороться до конца жизни, чтобы только спасти тебя.

Вместо ответа Франк бросился в объятия Вальтера.

– Будь смелее! – продолжал оружейник. – Бог не захочет, чтобы такой славный малый погиб на виселице. Ну, прощайся же с матерью и с сестрой, – пора.

Молодой работник стал на колени перед Мартой, нежно поцеловал ее руки и сказал:

– Матушка, исполните мою последнюю просьбу.

– Говори, дитя мое, что тебе надо?

– Благословите меня, как бы меня благословила родная мать.

– С охотой, сын мой. Благословляю тебя, благодарю за все радости, которые ты мне доставил и молю Бога, чтобы Он позволил нам свидеться когда-нибудь.

– Когда-нибудь! – вскричал Вальтер, отирая слезы и стараясь рассмеяться. – Надеюсь, вы увидите скоро. Только бы ему до утра выбраться из города, а потом я выпрошу ему у бурграфа прощение.

Марта, обняв Франка, подвела его к Марии.

– Простись с сестрой, – сказала она.

И видя, что молодая девушка смешалась, продолжала:

– Поцелуй же его, дочка, а то он подумает, что ты его не любишь.

Мария упала на грудь Франка, который крепко прижал ее к сердцу и дотронулся губами до ее покрасневшей щеки.

– Мария, сестра моя! – проговорил он едва слышным голосом. – Завтра день Успения Богородицы, твой праздник; я приготовил тебе стальную цепочку с резным крестом моей работы, но ты получила сегодня такой великолепный подарок, что на мой нельзя и посмотреть... Все-таки возьми его и сохрани, милая Мария.

– Я не расстанусь с ним никогда, обещаю тебе, милый брат. Я буду вечно носить твой подарок.

– Благодарю, и когда будешь молиться, не забудь меня в своих молитвах.

Молодая девушка не могла говорить от волнения.

– Скорее, Франк, идем! – проговорил Вальтер и увлек за собой молодого человека. Отворив тихонько двери сарая, он сказал шепотом:

– Bravo! Бочки на телеге, и все готово, чтобы рано утром пуститься в дорогу.

Он начал осматривать воз и считать бочки, которые лежали в два ряда: шесть внизу и пять наверху.

– Одиннадцать бочек! – проговорил оружейник. – Кажется я слышал, что сосед посылает в монастырь только десять, но что за беда! Главное дело в том, чтобы успеть все обделать так тихо, чтобы не услышали ночные сторожа. Мы возьмем крайнюю бочку в нижнем ряду, потому что из нее удобнее будет вылезти. За работу же, живее!

Найдя ведро, они выцедили все пиво и вылили его в ближайшую канавку, почти не пролив на землю.

Потом Вальтер обтер внутренность бочки, просверлив в ней несколько дырочек, так что можно было дышать и видеть, и когда Франк влез туда, оружейник вставил опять дно и сказал, приложив губы к отверстию:

– Прощай, сын мой, надейся и терпи. Бог спасет тебя.

И Вальтер, боясь возбудить подозрения, так же тихо вышел из сарая, запер дверь и осторожно пошел к дому, где все плакали и молились о спасении молодого человека.

VII. Как Франк вошел в город Амерсфорт

В первых числах апреля 1460 года в бедную избушку близ города Турнгута вошел человек, завернутый в широкий плащ из бараньих кож. Незнакомцу не было еще пятидесяти лет, но он уже походил на старика. Он был высокого роста, черты лица красивы и правильны; но он был совершенно плешив, бледен и худ, как будто был опасно болен или страдал душевно.

В избушке жила женщина лет сорока пяти, тоже печальная и бледная, одетая в черное. Она сидела в самом темном углу и только подняла голову, когда незнакомец показался у дверей.

– Здесь живет вдова Клавдия? – спросил пришедший.

– Это я, что вам угодно?

– Я сейчас объясню вам, – отвечал незнакомец, одетый пастухом. Заперев дверь, взял скамейку и сел против женщины. – Ваш муж был садовником в монастыре Благовещения в городе Турнгуте?

– Да.

– Два месяца тому назад он умер и оставил вас в бедности.

– Я бы не могла похоронить его, если бы мне не помогли добрые люди.

– И у вас нет детей?

– Был сын, но Бог взял его.

– Вы любили вашего ребенка?

– Разве об этом спрашивают у матери?

– Не возьмете ли вы на воспитание маленького мальчика?

– Такого, как мой сын! О, дайте! Какое счастье, я не буду одна, я буду опять кому-нибудь полезна, буду любить маленькое создание... и он, может быть, полюбит меня. Только... я не хочу, чтобы ребенок был несчастлив... я бедна, так бедна, что с трудом могу заработать себе на хлеб.

– Не бойтесь, вы не будете ни в чем нуждаться, только возьмите мальчика.

– А его родители соглашаются отдать его?

– У него нет ни отца, ни матери, я один родственник сироты и мои обязанности не позволяют мне самому воспитывать его. Я служу пастухом у богатого вельможи на том берегу Мааса и далеко гоняю его стада. Как же мне смотреть за ребенком?

– А где же он? – спросила женщина с нетерпением.

– Здесь, вот он.

И пастух вынул из-под плаща хорошенького двухлетнего мальчика, крепко спавшего.

– Какой ангелочек! – вскричала Клавдия, и, взяв осторожно ребенка, начала качать его тихо, чтобы он не проснулся.

– Я вижу, что моему сиротке будет здесь хорошо, – заметил пастух.

– Он заменит мне моего сына... А как его имя?

– Франк.

– Как зовут его отца?

Пастух на минуту задумался, потом отвечал.

– Тоже Франк.

– Хорошо... Вы не сказали мне вашего имени.

– Меня зовут Ральф, я пастух, – проговорил он глухим голосом.

– Вы в самом деле пастух? – продолжала спрашивать Клавдия. – Правда, одежда ваша, как у пастухов, только вы говорите не так, как простолюдины.

Незнакомец, казалось, не слышал этого замечания или не хотел отвечать на него; он вынул кожаный мешок и выложил на стол деньги, в то время как Клавдия отыскивала колыбель и укладывала в нее своего воспитанника.

– Итак, – сказал Ральф, – дело это решено. Вы берете ребенка. Вот деньги на первые расходы. Я буду посещать вас всякий раз, как буду поблизости. Прощайте, да хранит вас Бог.

И он скрылся так скоро, что вдова не успела ни поблагодарить его, ни расспросить больше.

С тех пор пастух часто навещал бедную хижину и наблюдал за ребенком. Но, заботясь о его нуждах и прихотях, он ни разу не приласкал сироту, как будто исполнял только обязанность, а сам не любил ребенка. Когда Клавдия занималась хозяйством, а ребенок, играя, подбегал к пастуху, и собирался влезть ему на колени, Ральф, как бы повинувшись невольному влечению, брал ребенка на руки и нежно целовал его, но вдруг, словно одумавшись, ставил маленького Франка на пол, отталкивал его и быстро уходил, не сказав ни слова.

Между тем мальчик вырос, ум его развивался, и Ральф все чаще приходил в хижину. Казалось, старик смягчился и стал ласковее к сироте. Он не избегал его ласк и, играя с ним, старался понемногу образовать его ум и сердце. Разумеется, он не мог сделать из него ученого, потому что в то время и вельможи мало знали, но Ральф, много живший и испытывший, давал ребенку полезные уроки, учил его быть твердым и честным.

Так проходили годы, в тишине и покое, как вдруг посещения Ральфа прекратились. Правда, прибежал маленький пастух и говорил, что старый Ральф прислал его успокоить Клавдию и Франка и сказать им, что дела задержали его за рекой, но что он скоро вернется и даже назначил час свидания и место, куда Франк должен был придти встречать его. Однако напрасно мальчик бегал несколько раз на встречу со своим другом, дни проходили, а Ральфа все не было. Клавдия плакала и не смела сказать ребенку своих предположений.

– Что ты плачешь, мама? – спросил ее мальчик. – Что случилось с нашим другом, не болен ли он?

– Если бы он захворал, то дал бы нам знать. Нет, он наверно умер.

– Умер! – повторил Франк, бледнея. – Не может быть. Бог милостив. Он не отнимет у нас единственного друга, нашего благодетеля!

И ребенок еще целый месяц каждый день ходил на место, назначенное Ральфом, но наконец и он принужден был сознаться, что если Ральф не приходит, значит его нет в живых.

Между тем больная вдова приходила в отчаяние. Деньги, оставленные пастухом, все вышли и наступила крайняя бедность. Франк, которому было только одиннадцать лет, старался утешить свою воспитательницу, обещал работать и заботиться о ней, как она заботилась о его детстве, но старушка не могла перенести этого последнего удара. Она слегла и через сутки ее не стало.

Франк остался сиротой во второй раз.

На другой день этого печального дня, а именно 12-го декабря 1469 года, по дороге между Турнгутом и Буа-ле-дюк ехала телега, запряженная лошадей, которой правил амерсфортский оружейник Вальтер. Он отвозил графу фландрскому заказное оружие и потом заехал в Буа-ле-дюк, закупить кожу, необходимую для делания нагрудников, перчаток, кушаков и прочего. Желая доехать скорее, он свернул с большой дороги на проселочную; но разыгралась метель и пошел сильный снег. Он заблудился и отыскивал какое-нибудь жилище, чтобы узнать, в какую сторону ехать. Через час езды он заметил, наконец, жалкую избушку и, остановившись перед ней, начал громко звать хозяина, но так как никто не выходил, он сошел с телеги, подошел к двери, и видя, что она не заперта, вошел в избушку. Однако остановился на пороге; перед ним была страшная картина.

В глубине темной комнаты лежало на постели тело женщины, освещенное желтой восковой свечой, прилепленной к изголовью; возле постели возвышался крест, сделанный из дерева,

а на полу у ног умершей сидел ребенок и старался из старых досок сколотить гроб. Он был так занят этой работой, что не заметил, как вошел оружейник.

Вальтер снял шляпу и сказал:

– Твоя работа очень печальна, мой милый.

Франк поднял голову, с удивлением посмотрел на пришедшего и опять продолжал сколачивать доски.

– Что же делать? – проговорил он.

– Это твоя мать? – спросил оружейник.

– По крайней мере, она любила меня, как родная мать.

– И у тебя нет ни родных, ни друзей?

– Никого... Когда матушка слегла, я понял, что не могу помочь ей и побежал в турнгутский монастырь, потому что друг наш Ральф говорил мне, что там есть ученые монахи, которые вылечивают болезни. Но мне сказали, что монах-лекарь едет в замок лечить герцога и что ему нельзя идти со мной.

– Это всегда так бывает, – проговорил мастер.

– Я прибежал опять домой, – продолжал ребенок со слезами, – но бедная мама уже не страдала... она была неподвижна, как теперь, и не отвечала на мои ласки. Я долго плакал, потом долго молился, чтобы Бог дал мне силы, и пошел к священнику, просил похоронить мою мать. Священника не было дома, а ризничий и могильщик спросили меня, могу ли я заплатить за гроб и могилу? Я отдал им кошелек, в котором было все, что у нас осталось, но ризничий засмеялся, сказав: «Тут мало и на свечи, которые горят у покойника». Я умолял их идти за мной и похоронить мать, но могильщик отвечал, что это невозможно, что мы живем очень далеко и даром никто не пойдет за телом покойницы. Что мне было делать? Я опять заплакал, только от досады, и наконец сказал: «Бедная мама, никто не хочет нам помочь... Я сам сделаю тебе гроб, сам похороню тебя. Бог даст мне силы на это!» На мои деньги я купил восковую свечку и гвоздей, сломал молотком часть забора и выбрал лучшие доски. Все это было мне не легко и я не скоро сладил с досками, но вы видите, что Бог помог мне, гроб почти готов... Завтра я вырою яму в нашем садике и зарюю мою маму.

Вальтер слушал ребенка с волнением, смешанным с удивлением. Он долго смотрел на умную, красивую физиономию мальчика, и наконец сказал:

– А что ты будешь делать, когда похоронишь мать?

– Не знаю, – отвечал Франк. – До сих пор я думал только о маме, а не о себе. Я не боюсь будущего. Добрый мой друг Ральф говорил мне: «С твердостью и надеждой на Бога, с честностью и хорошим поведением, человек никогда не пропадет».

– Клянусь святым Мартином, твой друг не ошибался. Я тоже уверен, что ты не пропадешь... Но прежде будущего надобно позаботиться о настоящем. Постой, я помогу тебе.

И оружейник, принявшись за работу, скоро окончил гроб, положил в него тело Клавдии, и Франк еще раз стал на колени перед той, которая была ему вместо матери, и в последний раз поцелуями ее холодное лицо. Потом, когда закрыта была крышка гроба, он взял заступ и хотел вырыть могилу, но Вальтер остановил его:

– Твоя мать будет похоронена в сельской церкви и мы свезем ее вместе. Тебе же я предлагаю ехать со мной в Амерсфорт. Я оружейный мастер и выучу тебя этому ремеслу. Согласен ли ты на это?

– Согласен, благодарю вас: я пойду с вами куда хотите и буду прилежно работать.

– Собирай же твое имущество и укладывай его на телегу.

Франк повиновался, и когда, с помощью Вальтера, гроб был поставлен на телегу, мальчик снял свою шапку и, несмотря на ветер и снег, провожал пешком тело Клавдии до самой церкви.

Погребение и отпевание произошло прилично благодаря деньгам Вальтера, и старушка похоронена была в церкви, как это делалось в то время, когда не были отведены места для кладбищ. Впрочем, обычай этот сохранился и теперь в Голландии.

После печальной церемонии, Франк согласился сесть в телегу и Вальтер направился к Буа-ле-дюк. Разумеется, оба они молчали, но мастер, желая рассеять ребенка, начал спрашивать о его жизни и занятиях. Франк не отвечал ни слова. Вальтер оглянулся с беспокойством и увидел, что бедный сирота лишился чувств. К счастью у оружейника была с собой фляжка с можжевелевой водкой. Он влил в рот мальчику несколько капель, начал растирать ему руки и ноги, и закутал его в самые теплые кожи, потому что обморок происходил столько же от холода, сколько от горя и волнения. Скоро бедняжка пришел в себя и заснул так крепко, что не слышал даже, как телега въехала в Амерсфорт и остановилась перед домом с вывеской «Золотой шлем».

VIII. Как Франк вышел из города

Мы видели, как Франк въехал в Амерсфорт, как его встретило семейство Вальтера и полюбило сироту. Теперь посмотрим, имела ли успех выдумка Вальтера и удалось ли молодому работнику выйти из города, чтобы спастись от казни.

Надобно признаться, что ему было не очень ловко в бочке и он ждал с нетерпением минуты своего освобождения. Жизнь не обещала ему ничего хорошего, если бы даже ему и удалось спастись. Он должен был жить вдали от тех, кого любил, и это казалось ему ужасным наказанием, так что если бы он не боялся огорчить доброе семейство, то вышел бы из бочки и сам отдался в руки врагам.

Только Вальтер вышел из сарая, как вслед за ним Франк услышал, что двери опять отворились и ввели лошадей, которых начали запрягать.

День едва начинался, когда телега, нагруженная бочками, подъехала к городским воротам. Решетка была еще опущена, под сводами ворот было темно, но солдаты и городская стража были на своих местах и прохаживались перед караульной. Городская стража разделялась на два отряда, из которых один назывался алебардщиками, а другой привратниками. В первом находились люди почетные, семейные, которые никогда не выходили из города и были вооружены алебардами и ножами. Привратники, набранные из молодых людей, обязаны были сражаться с неприятелем и вне города, поэтому у них были пищали, секиры и мечи. Кроме того они носили железные шлемы без забрала, тогда как алебардщики были в суконных шапках.

Телега въехала под свод и часовой окликнул:

– Кто вы и куда так рано?

– В монастырь святой Анны. Мой хозяин ван Шток предупреждал вас вчера, что посылает десять бочек пива.

– Сейчас поднимут решетку, – сказал часовой, и телега двинулась вперед.

– Что же ты обманываешь, друг, – вскричал один алебардщик, который от нечего делать пересчитал бочки. – Здесь не десять, а одиннадцать бочек. Уж не вздумал ли великодушный ван Шток угостить нас? Не для нас ли назначена одиннадцатая бочка?

– Точно так, – отвечал извозчик. – Хозяин приказал одну бочку оставить в караульне.

– Право, – вскричал алебардщик, – какой я отгадчик. Мессир ван Брук, пожалуйста сюда!

– Знаю, – проговорил ван Брук. – Вчера после сражения добрый наш начальник хотел помирить нас с наемниками и обещал прислать пива. Он сдержал свое слово. Да здравствует ван Шток!

– Да здравствует! – закричали солдаты и городская стража, и бросились помогать работнику, который, отделив первую бочку в нижнем ряду, вкатил ее в караульную, не подозревая, что там человек, а не пиво, и благополучно выехал из города.

– Мы попробуем за завтраком этого пива, – говорили солдаты, с удовольствием посматривая на бочку.

Стало быть, бедный Франк не только не освободился от врагов, но, как говорится, попал прямо в пасть волка. Однако он решил терпеть и не выходить из бочки до последней крайности. С помощью дырочек он видел и слышал все, что происходило в караульной, и разговоры солдат не могли быть ему приятны, потому что относились к вчерашней битве и сопровождались угрозами тому, кто убил их офицера. Городская стража, разумеется, не вмешивалась в этот щекотливый разговор.

– А что, – сказал один из солдат, – разговорами сыт не будешь. Не худо бы попробовать пивца перед казнью убийцы.

– Не худо бы, – повторили многие голоса.

– Погодите, друзья! – закричал ван Брук. – Что за охота пить натошак пиво. Надобно прежде закусить. Я сейчас пошлю в мою лавочку за колбасами и соленьем.

Почтенный алебардщик был колбасником.

– Да здравствует ван Брук! – загремело в караульне.

Через несколько минут барабанщик принес большую корзину, из которой достали окорок, колбасы, сыр и хлеб.

Восторг солдат увеличился; барабанщик начал накрывать на стол и поставил на него припасы ван Брука. Все сели на места, а барабанщик взял два больших кувшина и, сев на бочку верхом, принялся буравчиком сверлить дно, ожидая, что скоро польется драгоценный напиток.

Все смотрели на него с нетерпением, как вдруг раздался голос часового:

– Посланный от бургграфа. Ступайте все навстречу!

Это было спасением для Франка. Еще несколько секунд и все узнали бы, что в бочке не пиво, а человек, которого ждала смертная казнь. Все вышли из караульни, и Франк понял, что если он останется в своем заключении, то его откроют позже; надобно было воспользоваться случаем и выйти. Он это и сделал. Подышав вволю воздухом, которого не доставало в бочке, он начал придумывать, как ему выйти из караульной. Это было очень трудно. Посмотрев тихонько в дверь, он заметил, что все солдаты и алебардщики выстроились под сводом и ждут приказаний. Другого выхода не было. Франк осмотрелся и увидел, что в углу спит крепким сном один из воинов, сняв с себя оружие и верхнюю одежду. В одну секунду Франк одел шлем и плащ, схватил пицаль и пошел к двери, но барабанщик, отворив ее, сказал:

– Скорей, тебя спрашивают. № 6 всегда спит.

Франк не отвечая, стал в ряды воинов.

Вот что было причиной тревоги. Мы сказали уже, что между враждующими партиями «трески» и «удочки» было перемирие, но в нем было следующее условие:

«Города, замки и селения епархии останутся на время перемирия во власти того, кто успел поставить в них сильный гарнизон».

Тотчас после подписания перемирия бургграф узнал, что один из главных военачальников епископа Давида, Жерар ван Нивельд, поссорился с епископом и приказал своему отряду оставить замок Одик и присоединиться к нему. Бургграф не мог не воспользоваться этим случаем и решился овладеть замком, оставленным без гарнизона и составлявшим важный военный пункт. Правда, что перемирие было известно всем, и нельзя было сделать явное нападение, но отдельные условия не были еще объявлены; притом, в ту эпоху не много заботились о справедливости, и военное искусство состояло большей частью в западнях, расставляемых неприятелю, а не в благородном бою. Сила всегда распоряжалась по-своему и успех извинял все.

Итак, бургграф, желая кончить это дело без шума, прислал приказание, или скорее, просьбу городским стражам Амерсфорта, чтоб они заняли покинутый замок Одик. Мещане были не очень расположены к этому подвигу и объявили, что обязаны только защищать город, а не завоевывать новые земли. Посланный объяснил им, что они не встретят никакого сопротивления, что в замке нет гарнизона, а вместо него большой запас провизии и вина, которыми войско может распоряжаться.

Этот пункт расшевелил немного старшин города, и так как им обещали новые права, то они, согласившись на желание бургграфа, отправились к городским воротам, и созвали весь караул, собиравшийся завтракать.

Когда все были на своих местах, старшина сообщил городской страже повеление бургграфа, которое, разумеется, принято было громким ропотом. Несмотря на это старшина приказал привратникам отделиться от алебардщиков и отправиться немедленно в путь.

Так как № 6 принадлежал к отряду привратников и был молодой человек, то никто не подозревал, что место его занял Франк, тем более, что он надвинул шлем на глаза и поднял воротник плаща.

По звуку барабана отряд привратников двинулся вперед и барабанщик, заметив поспешность Франка, сказал смеясь:

– Никак № 6 совсем проснулся. Верно, он предпочитает вино епископа пиву ван Штока.

Решетка была поднята, отряд развернул знамя, и с ним благополучно вышел из города ученик оружейного мастера.

IX. Замок Одик и счастливая встреча

Хотя Франк был вне города, но нельзя сказать, чтобы опасность прошла, потому что он был окружен людьми, преданными бургграфу, которые не осмелились бы спасти человека, осужденного на казнь. Пока он шел с ними к замку Одик, надеясь найти удобный случай к бегству.

Замок Одик принадлежал к старинным феодальным постройкам и был так крепок, что его мудрено было взять приступом. Амерсфортские воины подошли к нему уже вечером, нашли, что мосты подняты и во всем замке мертвая тишина, как будто в нем жил сказочный волшебник. Несколько раз воины кричали, чтобы спустили мосты и отворили двери, но никто не отвечал им, и они пришли в замешательство, не зная, что делать. Им сказали, что они возьмут замок без труда, потому что в нем никого нет, кроме владельца и прислуги, но все-таки, если мосты будут спущены, попасть в замок невозможно, потому что граждане Амерсфорта не намерены были перелезть через рвы и стены. Они спокойно собрались в обратный путь, как вдруг в одной из башен показался огонь, окно открылось и в нем появились две человеческие фигуры.

– Да отворяйте скорее, – закричал начальник отряда, – мы вам ничего не сделаем, мы ваши друзья, храбрая треска!

Владелец замка поверил этим словам, потому что в темноте не мог рассмотреть знамени и вообразил, что епископ Давид прислал новый гарнизон. Не подозревая измены, он приказал опустить мост, и амерсфортцы вступили в замок с криками победы, как будто в самом деле выиграли сражение. Трудно было узнать мирных граждан в этой буйной шайке, которая принялась грабить погреба и припасы и готовить себе пир.

– Я ошибся! – проговорил старик, владелец замка. – Проклятые удочки поймали меня.

В то время как воины рассыпались по замку, заперев предварительно ворота и подняв мосты, Франк, вошедший с ними, был опять заперт и вышел в сад, надеясь найти какой-нибудь выход, где не поставлены часовые.

Подойдя к стене, омываемой рекой, он заметил башню вдали от замка, и по железной двери и решеткам на окнах принял ее за тюрьму. Другая дверь башни выходила на реку Лек, так что в случае осады замка можно было с этой стороны получать припасы и подкрепления, или бежать незаметно.

Рассматривая башню, Франк увидел, что и тут нельзя выйти, как вдруг услышал шаги и говор двух человек, пробиравшихся к башне. Он спрятался в кусты и увидел владельца замка и его слугу, который нес фонарь.

– Хорошо Клаус, – говорил владелец, отворивший так неосторожно двери врагам, – поставь фонарь и вернись скорее к проклятым удочкам, чтобы они не заметили моего ухода. Дай мне только ключи от этих дверей. Ступай же скорее. Может быть, мне удастся спасти и тебя.

Служитель удалился, а владелец замка, взяв фонарь, пошел к двери башни. Франк понял, что он хочет уйти, и радовался уже, что может, вслед за ним, выбраться из западни, но старик остановился на минуту и начал бормотать:

– А мой пленник! Что мне с ним делать? Может быть, я и не вернусь сюда... А моя клятва? Надобно убить его... Это тяжело, потому что я полюбил его... Но клятва священна, и я не хочу погубить мою душу.

И Франк, прислушивавшийся к его шепоту и наблюдавший за всеми его движениями, понял, что в башне заключен человек, жизнь которого в опасности и которого он может спасти. Разумеется, что молодому человеку ничего не стоило отнять ключи у старика и самому идти в башню, но может быть в ней, как и во всех тюрьмах того времени, были потайные

ходы, западни, замки с секретами, так что постороннему было трудно найти входы и выходы, и потому он тихонько пробрался вслед за владельцем замка, стараясь ступать как можно тише.

В голове молодого человека была одна мысль, что Провидение назначило его для спасения несчастного, обреченного на смерть. Он забыл о собственном своем положении и следовал за дрожащим светом фонаря, по узкой витой лестнице, прерываемой коридорами, в которых всякий заблудился бы, кроме хозяина замка. Наконец, когда они были наверху, старик остановился перед дверью, ведущей, вероятно, в комнату пленника, и вошел туда, оставив дверь полуоткрытой, потому что сам торопился и не мог подозревать, что по следам его идет свидетель, который также незаметно прошел в темницу, желая знать, что будет делать старик.

Комната, куда они вошли, не была похожа на тюрьму, хотя в ней было одно узкое окно, высоко от пола и с толстыми решетками. В ней была удобная мебель, ковры, камин, картины и в глубине стояла кровать резного дерева, на которой лежал пленник. Франк не мог разглядеть его, потому что старик поставил фонарь на стол и комната оставалась почти в темноте.

– Он спит, – проговорил старик, – тем лучше... бедняжка и не проснется в этой жизни... надобно кончить скорее.

И, вынув из-за пояса длинный нож, он подошел к самой постели, а Франк приготовился броситься на убийцу, чтобы выбить у него из рук оружие.

– Нет, – пробормотал старик, – он не покается... я не хочу, чтобы душа его пошла в ад... надобно разбудить его.

Он подвинул стул к кровати и сел.

От этого шума пленник проснулся.

– А, это вы, мессир, – проговорил он. – Вы навели меня в необыкновенное время, но я все-таки рад вам.

Владелец замка немного смешался и отвечал с волнением:

– Я пришел к вам не по своей воле, а для исполнения страшного долга. Вообразите, что толпа удочек завладела замком хитростью и теперь грабит его. Я имею средство уйти из замка и обязан предупредить моего властителя о том, что здесь случилось.

– Так и должно; но где живет ваш властитель?

– Этого я не могу вам сказать, почтенный мой друг, потому что мне запрещено называть вам его.

– Так вы пришли проститься со мной?

– Да, – проговорил тот глухим голосом.

– На долго ли?

– Послушайте... мне тяжело объяснить вам... но я связан клятвой... я не могу оставить вас здесь без себя.

– Так я должен следовать за вами? – вскричал пленник радостно. – Я в минуту буду готов, пойдемте...

– Вы не понимаете, мой друг, я бы желал взять вас с собой... но это невозможно...

– Стало быть, вы не можете ни оставить меня здесь, ни взять с собой... объясните, что же вы хотите делать со мной?

– Я должен вас убить.

Пленник посмотрел с недоумением на старика, принимая, может быть, все случившееся за сон.

– Что вы говорите, мессир? Вы хотите сделаться убийцей, преступником?..

– Я не хочу быть клятвопреступником.

– Вы поклялись убить меня?

– Да, и сдержу клятву. Вы сами поймете необходимость этого, когда я вам расскажу все обстоятельства. Помните ли, как десять лет тому назад вас привели сюда с завязанными глазами, в эту самую комнату, где я вас ждал. Мой господин предупредил меня, чтобы я приго-

товил помещение для пленника, который не совершил никакого преступления, но осужден на вечное заключение. «Будь с ним ласков и предупредителен, – прибавил мой могущественный властитель, – только пленник не должен знать ни где он, ни у кого». А главное... слушайте, мой друг...

– Слушаю, мессир.

Франк тоже придвинулся, чтобы лучше слышать.

– Главное, – продолжал старик, – мой благородный господин прибавил, чтобы я поклялся над реликвиями, что если замок будет взят приступом или хитростью, если в нем сделается пожар, то уходя отсюда, я должен убить пленника и тело его бросить в реку... Я поклялся.

Крик ужаса вырвался из груди пленника, Франк удержался, чтобы не вскрикнуть тоже.

– Я поклялся моим вечным спасением, – повторил владетель замка, – что исполню приказание и сохраню тайну. Вы видите, что я не могу поступить иначе... я уйду из замка... и вы не должны оставаться в нем.

– Но убивают только преступников, мессир, а вы сами знаете, что я не виновен.

– Это меня не касается. Мой властитель будет отвечать перед Богом за вашу смерть, как я отвечу, если не исполню клятву.

– И вы думаете, что я позволю зарезать себя, что я не буду защищаться?

– Ваше сопротивление напрасно. Правда, вы по летам еще сильны, но вы безоружны. Я мог убить вас, когда вы спали, но не хотел, чтобы вы умерли без покаяния... молитесь Богу и готовьтесь умереть.

Пленник хотел вскочить с постели и броситься на своего противника, но тот предупредил его, одной рукой отбросил на кровать, а другой поднял нож... Франк, следивший за всеми его движениями, одним прыжком был уже возле него, выхватил нож и, взяв за ворот, отбросил в угол комнаты. Все это случилось так быстро, что пленник не понимал, отчего он еще жив и приподнялся в ту минуту, как Франк бросился к нему. Оба они, посмотрев друг на друга, остановились в недоумении, как бы припоминая что-то.

– Нет, я не ошибаюсь, – вскричал Франк. – Недаром голос этот напомнил мне мое детство... Теперь я узнаю и черты моего друга, моего отца! Вы ли это, добрый Ральф?

– Молодой человек, – прошептал пленник дрожа от волнения, – вы... вы Франк!

– Да, я Франк, ваш сын...

И он упал на грудь Ральфа.

В это время владетель замка, очнувшись от неожиданного удара, приподнялся, ворча сквозь зубы: «Проклятый, чуть не задушил меня!» Видя что отец и сын забыли о нем, он сказал тихо:

– Мой пленник все-таки умрет... только голодом. Мне жаль его, но делать нечего... и этот молодец погибнет с ним.

Пробравшись ползком к двери, он быстро вышел и запер ее на замок.

Этот шум заставил Франка опомниться. Он бросился к двери, но было поздно, новый скрип и стук доказал ему, что и нижнюю дверь запирают. Он понял, что положение их отчаянно. Не было никакой возможности выйти из башни, и они могли умереть, прежде чем отыщут эту тюрьму и догадаются, что в ней есть заключенные.

Франк проклинал себя, что не отнял ключей у старика, не помешал ему уйти. Он просил прощения у Ральфа и старался выломать дверь, но все усилия были напрасны: у него не было с собой никакого инструмента, кроме ножа, который он сломал, стараясь всунуть его в замок. Отчаяние его доходило до безумия, и он в слезах бросился опять на грудь Ральфа.

Тот оставался спокоен, уговорил Франка не отчаиваться, а положиться на волю Бога и смириться перед ней. Молодой человек устыдился своего гнева и по-прежнему повинился своему воспитателю. Чтобы рассеять немного грустные мысли, Ральф начал расспрашивать молодого человека о его жизни и занятиях с того времени, как он оставил его в хижине Клав-

дии. Франк рассказал все как было, надеясь, что и Ральф, в свою очередь, откроет ему, кто он, потому что нельзя было предполагать, чтобы он был в самом деле пастухом. Однако старик не говорил ничего о себе, приписывая свое заключение ошибке, и молодой человек не смел настаивать. Старый Ральф спросил еще, как зовут замок, в котором он содержался столько лет, и что случилось в этой стране в это время. Когда Франк отвечал, что замок называется Одик, принадлежит епископу Давиду, который изгнан из епархии и живет в Дурстедде, Ральф вскричал:

– А, гордый бургундец теперь в унижении! Рука Бога поразила и его. Это – справедливо! Пусть и он испытает в свою очередь несчастья и раскается в своих преступлениях.

Удивленный словами Ральфа, Франк спросил, знает ли он епископа. Старик ответил:

– Я не знаю епископа лично, но слышал о его гордости и жестокости, как все здешние жители, которые проклинаят его.

Между тем начало рассветать и первые лучи солнца ответили темницу, пробудили Франка к деятельности. Он не страшился смерти, даже такой ужасной, которая ему предстояла, потому что не ждал ничего от жизни. Его счастье и будущность погибли с той минуты, когда Мария сделалась невестой графа Шафлера, но его мучила мысль, что он мог возвратить жизнь и свободу своему первому благодетелю – и не сделал того.

Надежда не была потеряна, потому что днем, может быть, стражи Амерсфорга, гуляя по саду, подойдут к башне и можно будет позвать их на помощь и выломать дверь. Для этого надобно подать какой-нибудь знак. Но окно было очень высоко. Франк хотел придвинуть стол, но ножки его были привинчены к полу. Надо было много усилий, чтобы расшатать его и освободить ножки, и за этой работой молодой человек переломил свой нож. Потом он придвинул стол под окно, поставил на него стул, но этого было недостаточно; руки его доходили до окна, но голова была гораздо ниже, так что он даже не мог видеть парка. Сойдя со своих подмостков, он сорвал со стены один ковер, надрезал его в виде лестницы и прикрепил к верху окна. Так он смог добраться до окна, из которого увидел весь парк. К несчастью, ни вдаль, ни вблизи, не было никого, и Франк напрасно провел целый день у окна. При наступлении ночи он слез и сказал Ральфу:

– Завтра мы будем счастливее.

А между тем он старался всеми силами скрыть, как страдал от голода и утомления. Он ничего не ел в продолжение тридцати шести часов, и двое суток не спал. Глаза его невольно закрылись и, упав на постель Ральфа, он уснул.

Было светло, когда Франк проснулся и поспешил влезть на окно, надеясь увидеть кого-нибудь в саду. Утро было превосходное, птицы весело пели, солнце сияло так радостно, что даже бедные затворники ободрились, но прошел и второй день и Франк, почти висая на железной решетке, напрасно смотрел во все стороны, напрасно кричал: никто не показался до самой ночи. Прошел третий день в напрасном ожидании, и Франк упал без чувств возле Ральфа, проговорив:

– Все кончено... Я умираю.

– Сын мой, – говорил старик, – не ропщи... все мы во власти Бога... Он испытывает нас страданиями...

– О, – шептал Франк в бреду, – я мог спасти вас, и теперь умираю с вами! Зачем я не взял ключа!

– Не думай об этом, дитя мое, – продолжал старик. – Вспомни, что ты доставил мне лучшие минуты в жизни... ты со мной... в моих объятиях... как же мне не благодарить Бога... Отбрось мысль о земном и посвяти последние силы молитве.

Старик замолчал и сложил руки, Франк тоже хотел молиться, но мысли его путались, он шептал имя Марии, признавался ей в любви, и, чувствуя приближение смерти, закрыл глаза. Можно было подумать, что он спит, но он был только в забытии и ему чудилось, как и всякому в

муках голода, что перед ним накрыт великолепный стол, уставленный вкусными кушаньями; он слышал запах разных блюд; вдруг раздались звуки небесной музыки и сама белокурая Мария явилась перед ним с ангельской улыбкой и, подавая руку, говорила: «Ступай в жилище Бога, мой милый, мы скоро там увидимся... Я твоя невеста, я последую за тобой!»

За этой восторженной галлюцинацией последовал тяжелый сон. Когда Франк с усилием открыл глаза, был уже вечер третьего дня. Ральф сидел возле молодого человека и держал его руку, прислушиваясь к слабому биению пульса. Этот старик, кажется, не чувствовал страданий голода и спокойно ждал неминуемой смерти.

Вдруг послышался вдали шум отпирающихся ворот. Франк вздрогнул и сжал руки Ральфа... Оба начали с жадностью прислушиваться. Шум возобновился... как будто люди идут, гремя оружием; шаги все ближе... ближе...

Франк собирает остаток сил, ползет к окну... скольких трудов это ему стоит; вот он ухватился за решетку... видит, что у башни стоят воины, только не амерсфортская стража, а воины, носящие герб епископа Давида... но все равно; бедный молодой человек хочет кричать, позвать их, но у него нет голоса, нет сил; нескольких хриплых звуков вылетают из горла, голова кружится, в глазах темнеет; руки отрываются от окна и он падает на стол, а со стола к ногам Ральфа.

Спасение так близко, но нет никакого средства дать знать, что они в башне. Старик взял рукоятку сломанного ножа и бросил ее в окно, надеясь привлечь воинов шумом. Стекло разбилось, но звон был так слаб, что никто внизу не расслышал его. Тогда Ральф, найдя клинок ножа, собрал последние силы и бросил его так удачно, что он пролетел между полосами железа и упал посреди отряда воинов. На этот раз послышались крики и проклятия и Франк, приподняв голову, дополз до дверей, говоря чуть слышно:

– Наконец-то... они вошли... идут по лестнице... Отец мой... мы спасены!

В самом деле, послышались шаги по лестнице, в коридорах, дверь отворилась и первым вошел старый владелец замка с несколькими наемниками епископа Давида. Между ними пробрался, бранясь напропалую, маленький человечек смешной наружности.

– Где эти проклятые удочки, – кричал он, – которые смеют бросать в нас стеклами и ножами! Кто смеет оскорблять войско епископа Давида... Вот мы разделаемся с бездельниками.

Но узнав Франка, который так недавно спас господина его, графа Шафлера, Генрих остановился с удивлением и вскричал уже другим голосом:

– Это вы, молодой оружейник! Как вы попали сюда? Что же нам врал этот старик, что тут заперты удочки?

– Я говорил правду... Этот молодец пришел сюда с разбойниками удочками...

– Полноте, – прервал Генрих, – я знаю этого молодого человека. Он друг графа Шафлера, и я советую вам уважать его... Но что с вами, Франк, вы не можете приподняться... Вы так слабы... бледны?

– Я думаю, можно ослабеть, – заметил хозяин замка. – Я даже удивляюсь, как они живы, не евши три дня...

– Боже мой! – вскричал маленький оруженосец, – и вы не стыдитесь говорить это? Бедняжки! Скорее принесите им обед, вина... Ступайте сами и вернитесь как можно скорее.

– Сейчас, – бормотал старик, которого Генрих почти вытолкнул, – мне самому жаль моего старого друга... я мигом накормлю его...

Между тем оруженосец достал фляжку с вином и дал выпить Франку и старику, которые как будто ожили. Молодой человек спросил тотчас о Шафлере.

– Его еще здесь нет, – отвечал Генрих, – но он скоро будет.

И он рассказал, как господин его, узнав, что удочки, несмотря на перемирие, завладели замком Одик, просил у епископа Давида позволения выгнать неприятеля, но бургундец отказал, потому что не любил употреблять благородных людей, действующих великодушно даже с

неприятелем. Граф Шафлер настаивал, обещал взять замок без сражения, так что перемирие не будет нарушено, и епископ наконец позволил эту экспедицию, с условием, чтобы Шафлер не оставался в замке со своими воинами, а вернулся скорее в Дурстед. Для этого-то, прибавил Генрих, граф взял отряд наемников мессира ван Вильпена и с небольшим числом своих всадников идет сюда, а меня послал вперед, с тридцатью воинами и старым хозяином замка, который перевез нас через реку и вступил в сад через потайную дверь. Мы ждем, чтобы ночь сделалась потемнее, выпустим наших товарищей и выгоним удочек из замка епископа.

В эту минуту хозяин замка принес корзину с припасами и известие о подвигах амерсфортской стражи.

– Они не выходят из столовой, – сказал старик, – и не перестают есть, пить и кричать, отдыхая по временам на тюфяках, разбросанных по полу. Спор происходит у них только оттого, что все отказываются стеречь подъемный мост и ворота.

– Тем лучше, – заметил оруженосец графа, – нам будет легче с ними сладить.

Скоро раздался сигнал, дающий знать о приближении отряда Шафлера; Генрих пробрался тихонько к воротам и подъемному мосту, и, найдя часовых пьяными или спящими, спокойно впустил своего господина, не потревожив удочек.

Весь отряд выстроился на дворе перед замком, а оба начальника, Шафлер и ван Вильпен, вошли в залу, где пировали и спали амерсфортские граждане. Увидев двух вооруженных рыцарей, пьяницы пришли немного в себя и хотели взяться за оружие, но граф остановил их.

– Не храбритесь, мои старые знакомцы, – сказал он. – Хотя я имею причину жаловаться на вас, но не хочу вам мстить за то, что вы не отворили мне ворот вашего города. Вы завладели этим замком во время перемирия, – это не честно. Предлагаю вам тотчас же выйти из замка, даже с развернутым знаменем, и обещаю, что никто вас не тронет. Если вздумаете сопротивляться, вам же будет хуже. Посмотрите в окно и увидите, что целый отряд «трески» ждет вас внизу и готов встретить и проводить незваных гостей. Решайтесь же скорее.

В выборе нельзя было сомневаться. Храбрецы в минуту согласились уйти, и были очень довольны, что так дешево отделались. Они жалели только об одном: что не успели опорожнить всего погреба замка, но и тут нашлись догадливые лица, положившие себе в карманы по несколько бутылок.

Сойдя вниз они очутились перед отрядом наемников ван Вильпена, роптавших на распоряжения начальников.

– Не стыдно ли выпускать удочек, когда они попали в наши руки? – говорили воины. – Это измена. Мы не допустим этого.

И солдаты начали угрожать гражданам и всячески издеваться над ними. Бедные амерсфортцы прятались за Шафлера, прося его защиты, и граф закричал, чтобы пленников не смели трогать и выпустили их из замка.

– Мы не обязаны повиноваться ван Шафлеру, – отвечали наемники. – Мы не его солдаты: у нас есть свой начальник.

– Но у вас одно знамя, знамя епископа, и я приказываю вам его именем, – закричал Шафлер. В то время дисциплина была очень ненадежна, особенно у наемников, переходивших от одной партии к другой, и не всегда слушавшихся даже своих собственных начальников. Поэтому, не слушая даже ван Вильпена, который старался успокоить их, они начали напирать на граждан Амерсфорта, крича:

– Смерть удочкам! Смерть разбойникам!

Жалкие горожане начали бегать по двору, проклиная свою экспедицию и ожидая верной смерти, как вдруг граф вскочил на лошадь и закричал:

– Всадники ван Шафлера, сюда! Вы обязаны повиноваться мне. Приказываю вам защищать пленных и проводить их из замка. Если кто осмелится их тронуть, убейте бунтовщика.

При этих словах всадники выстроились тесным строем и составили железную стену. Бороться с ними было опасно, и наемники, поворчав, разошлись в разные стороны, оставив пленных под защитой отряда ван Шафлера.

Удочки обрадовались своему спасению и гордо промаршировали за ворота, но, отойдя несколько шагов от замка, бросились бежать, не переводя духа, и опомнились только в Амерсфорте, где начали рассказывать чудеса о своей храбрости.

Молодой граф хотел тоже последовать за ними и возвратиться в Дурстед, но Генрих остановил его, сказав, что Франк в замке.

– Как он попал сюда? – вскричал тот. – Поскорее веди меня к нему.

И он пошел с Генрихом в башню, где оба заключенных почти оправались от долгого поста. Свидание молодых людей было самое дружеское, и когда Франк рассказал свои приключения, Шафлер с волнением сжал ему руку:

– Бедняжка, – проговорил он с чувством, – все эти страдания перенесены из-за меня! Добрый Франк, я уже сказал, что буду твоим другом, братом... Скажи мне теперь, что ты хочешь делать? Тебе нельзя вернуться в Амерсфорт.

– Я хотел идти в Гарлем, к брату мастера Вальтера; он тоже оружейник.

– И ты примешься за прежнюю работу?

– Я не знаю другого ремесла.

Ван Шафлер покачал головой и сказал, подумав:

– С твоим умом, храбростью и твердостью можно выбрать лучшее занятие, чем стучать по наковальне. Вместо того, чтобы делать латы, ты можешь сам носить их и защищать права твоего государя. Слушай, Франк! Я назвал тебя братом и предлагаю тебе разделить по-братски мою жизнь, с ее опасностями и славой. Хочешь служить монсеньору Давиду? Поедем в Дурстед. Я предлагаю тебе место в моем войске, ты будешь первым после меня. Отвечай, согласен ли ты?

Тронутый этим неожиданным предложением, Франк протянул рыцарю руку и молча посмотрел на Ральфа, как бы прося его совета. Старик понял его и поспешил ответить:

– Нечего раздумывать мой милый сын. Прими с благодарностью предложение графа ван Шафлера. Я тоже думаю, что ты рожден быть воином, а не работником. Бери только с него пример: будь добр в сражении, добр после победы, будь неумолим к злым, и милостив к слабым... Оставайся верен Давиду Бургундскому и помни мои слова, что сражаясь против него, ты сделаешься преступником.

– Но что будет с вами, батюшка? – спросил с заботливостью Франк, не смея спрашивать о таинственном смысле слов старика.

– Не беспокойся обо мне, дитя мое. Я еще не знаю, выйду ли из этого замка.

– Кто может вас удержать? – спросил Шафлер.

– Увы! – отвечал хозяин замка, подходя почтительно к рыцарю. – Мне поручено не выпускать пленника...

– Я беру все на себя, – прервал Шафлер, – не смейте задерживать его.

– Очень рад, великодушный рыцарь... Я сам полюбил доброго Ральфа и плакал о его участи... но выберете ответственность на себя... Слава Богу! Поздравляю вас, друг мой, вы свободны.

Граф поручил защиту замка наемникам ван Вильпена, а сам со своим отрядом направился к Дурстеду. Франк упрасивал Ральфа идти с ними, но старик отказался, сказав, что прежде всего ему надобно исполнить одно важное дело.

– А чем вы будете жить, батюшка? – говорил Франк. – Вы десять лет не виделись ни с кем.

– Я не забыл моего прежнего ремесла. Пастухи везде нужны, и я найду старых друзей.

Дойдя до места, где дорога раздваивалась, Ральф остановился.

– Здесь мы простимся, сын мой... Прощай, Франк!

– Зачем это слово: прощай? – вскричал взволнованный молодой человек. – Отчего не до свидания?

– Ты прав, мой сын, Бог не допустил нам погибнуть вместе, он позволит нам опять свидеться. До свидания же, дитя мое.

– А когда и где мы увидимся?

– Везде, где я могу быть тебе полезным; старый пастух будет следить за тобой, как следил в детстве. Ступай же, нам пора расстаться.

Франк со слезами бросился на грудь старика и крепко обнял его.

– Благодарю, сын мой, за твои слезы. Они для меня драгоценнее всех сокровищ Бургундии... Ты добр, благороден, честен, храбр... Ты не похож на порочных твоих родственников...

– На кого, отец мой?

– Нет, ты не похож на них, слава Богу...

И обняв еще раз с жаром молодого человека, старый пастух, не объяснив своих загадочных слов, благословил Франка и быстро отошел от него.

Франк остановился и долго смотрел вслед Ральфу.

Х. Лагерь Перолио

С 1478 года, то есть с тех пор, как епископ Давид был изгнан из Утрехта партией «удочек», он жил постоянно в замке Дурстед с небольшим числом придворных. Город, давший свое название замку, принадлежал к немногим городам, оставшимся верными бургундцу не из привязанности к нему, но потому, что надеялся получить от него много выгод и привилегий. Епископ внушал мало симпатии, потому что был иностранец и незаконный сын герцога Филиппа Бургундского, которого история назвала «Добрым», но которого голландцы имели право назвать жестоким, потому что он присвоил себе силой управление Голландией, отняв его у родственницы, графини Жозефины. Он наводнил страну кровью, поддерживая партию «трески» и, в довершение всего, назначил незаконного своего сына епископом Утрехтским, не уважая выбора граждан. Высокомерный герцог оскорблял народ, лишая его привилегий и обременяя налогами.

Партия «трески» переносила дерзкое обращение Филиппа и сына его Карла Смелого только потому, что знала, что партия «удочек» страдает еще более от тирании бургундского дома. И когда в 1477 году погиб Карл Смелый, удочки вздохнули свободнее, соединились и прогнали из утрехтской епархии Давида. Напрасно он сзывал приверженцев трески из Голландии и Зеландии: эти провинции не хотели начинать неприязненных действий без приказа нового своего государя, герцога Максимилиана Австрийского, супруга Марии Бургундской, дочери Карла Смелого и, следовательно, племянницы Давида. Епископ послал просить помощи племянника, и Максимилиан обещал усмирить бунтовщиков, но восстание во Фландрии удерживало его, так что в минуту нашего рассказа монсиньор напрасно ждал помощи и должен был держаться собственными средствами, которые почти истощились, потому что он не умел привязать к себе самых преданных защитников.

Надобно прибавить, что Давид соединял в себе пороки отца и брата и не имел ни одного из хороших качеств бургундцев. Он был горд, дерзок и жесток до крайности. Впрочем, в то время, когда жизнь человеческая ничего не стоила, жестокость была обыкновенной принадлежностью властителей, по крайней мере герцоги Филипп и Карл отличались необыкновенной храбростью, и когда гнев не затмевал их рассудка, они поступали справедливо и великодушно; но Давид был всегда несправедлив и бесчестен по расчету. Вместо храбрости он употреблял хитрость, льстил своим врагам, чтобы привлечь их на свою сторону, и обращался дурно со своими приверженцами, зная, что они не смеют ему изменить. Слабые люди всегда прибегали к такой неблагоприятной политике.

Мы уже говорили, что Давид принял к себе на службу итальянца Перолио с его шайкой и не запрещал наемникам грабить своих и чужих. Епископ обращался с начальником их гораздо ласковее, чем с храбрыми и преданными дворянами. Кроме того, у него было другое наемное войско, под начальством гасконца Салазара, сына знаменитого воина, отличавшегося при Карле VII. Маленькая же армия епископа находилась под начальством трех рыцарей: ван Нивельда, ван Вильпена и ван Шафлера, и, по своему обыкновению, монсиньор Давид не думал награждать их за преданность, даже не извлекал из них никакой пользы. Сколько раз эти храбрецы упрашивали епископа, чтобы он позволил им взять приступом Утрехт, но он все откладывал решительное сражение, надеясь на скорую помощь Максимилиана, а между тем отнимал почти последнее у поселян, чтобы содержать иностранных бандитов, которые ничего не делали.

Ван Вильпен и Шафлер огорчились такими нелогичными распоряжениями, но преданность их к бургундскому дому была искренняя, и они не роптали на епископа; зато ван Нивельд, человек честный, но пылкий и раздражительный, не мог хладнокровно переносить оскорблений и давно объявил, что при первой обиде перейдет к удочкам. Это было тем вероятнее,

что старший брат рыцаря был лучшим другом бурграфа монфортского. Епископ Давид знал о намерении ван Нивельда, но вместо того, чтобы объясниться с ним и привязать его доверчивостью, обращался с ним еще с большим пренебрежением, и боясь, чтобы он не передал врагам замка Одик, вызвал его оттуда и приказал стать с войском в деревне Котен. ван Нивельд не перенес этого оскорбления и поклялся отомстить. Однако он исполнил приказание, только не появлялся больше при дворе Давида. В то же время ван Шафлер предупредил его об измене Перолио, и епископ, боясь потерять половину своего войска, решился разузнать намерения двух начальников.

Он призвал графа Шафлера, принял его чрезвычайно ласково и посадил возле себя, чего никогда никому не позволял.

– Любезный сын, – сказал он рыцарю вкрадчивым голосом, – я вас призвал для того, чтобы поблагодарить за ваши заслуги, за преданность. Я горжусь вами, граф, и надеюсь, что в будущем могу рассчитывать на ваше расположение.

– Я принадлежу вам, монсиньор, располагайте мной, – отвечал Шафлер почтительно.

– Так вы не откажетесь, сын мой, оказать мне маленькую услугу?

– Приказывайте монсиньор, я готов.

Епископ протянул руку к графу и продолжал еще мягче:

– Завтра кончается перемирие, а я очень беспокоюсь насчет намерений мессира ван Нивельда и мессира Перолио. Прошли слухи, что они хотят изменить, но я еще сомневаюсь...

– Разве сомнение возможно? – прервал Шафлер. – Измена ясна.

Давид нахмурился и через минуту возразил довольно сухо:

– Если вы, граф, уверены в этой измене, то я хочу иметь ясные доказательства. Вот почему мы решили осведомиться об этом... осторожно, не показывая недоверчивости. Это, может быть, приведет их опять на путь долга. Вот два письма, мессир, одно к ван Нивельду, другое к Перолио. Я желаю, чтобы они получили их как можно скорее.

– Я тотчас пошлю всадников, и через несколько часов письма будут в их руках...

– Я не имею надобности в ваших всадниках, мессир, и желаю, чтобы вы сами отвезли письма.

Шафлер вскочил со своего места:

– Что вы сказали, монсиньор? Я – начальник ваших войск, дворянин!

– Оттого-то я, мой сын, и прошу вас, чтобы вы приняли это на себя. Мне надобен ответ как можно скорее, а вашему оруженосцу или всаднику не захотят, может быть, отвечать, тогда как вам не откажут в этом. Да и кто лучше вас может узнать с первого взгляда расположение начальников и войска?

– Хорошо, монсиньор, – сказал Шафлер, – я исполню ваше поручение... Через час я буду с моим отрядом на дороге в Котен.

Епископ улыбнулся и возразил:

– Что вы, граф! Если вы отправитесь с войском, это будет не дружеское посещение, а угроза или вызов... Вы должны ехать один и без оружия.

– Без оружия! – вскричал с гневом граф, но одумавшись, продолжал. – Вы знаете, что я вам предан, и потому поеду один с моим оруженосцем, чтобы доказать, что Шафлер не боится изменников и презирает их; но придти к Перолио без оружия невозможно. Мое оружие доказывает, что я дворянин, а дворянин не должен быть безоружен, даже в разбойничьем притоне.

Твердый тон, которым были проговорены эти слова, доказал епископу, что настаивать напрасно, и потому он сказал:

– Я не буду спорить с вами, мой сын; но так как жизнь ваша драгоценна для нас, то мы просим вас и даже приказываем, как государь и духовный отец, не отвечать на вызовы и употребить оружие только в случае законной защиты.

И благословив молодого человека, он отпустил его... Через час храбрый рыцарь ехал по дороге в Котен в сопровождении конюшего Генриха. На нем были великолепные латы работы Франка, подаренные мастером Вальтером, шлем с пятью белыми перьями, тяжелый меч и богатый кинжал. Сверх лат наброшен был плащ с вышитым гербом епископа Давида; к левому плечу прикреплен щит с гербом Шафлера. Лошадь его, рослая и сильная, была тоже покрыта железом.

Генрих ехал на почтительной дистанции от своего господина, тоже в латах и в шлеме, только без забрала. Подъезжая к Котену, они увидели солдат ван Нивельда, занятых чисткой оружия и военными приготовлениями. Некоторые из них узнали ван Шафлера и поклонились ему почтительно, однако смотрели на него с удивлением, не понимая, зачем он приехал.

Граф остановился перед домом ван Нивельда и с грустью заметил, что над зданием не развивалось знамя епископа. В одно из окон смотрел помощник начальника и, увидев приближающегося всадника, сошел вниз и встретил его.

– Это вы, мессир граф? Мы не ждали вашего посещения.

– Здравствуйтесь, храбрый ван Йост, – отвечал Шафлер, – мессир ван Нивельд так давно не был в Дурстедде, что надобно было приехать сюда, чтобы повидаться с ним.

Старый воин смешался.

– Очень рад, мессир, – проговорил он, – только моего начальника нет дома.

– Где же он?

– Не знаю.

– Не обманывайте меня, ван Йост, а скажите лучше прямо, что он в Утрехте, у бурграфы монфортского. Кто мог ожидать этого!

Старик вздохнул вместо ответа.

– И вы последуете за ним в новый лагерь? – спросил Шафлер.

– Я предан лично ему, а не партии, которую он защищает.

– А что думают ваши товарищи?

– Они согласны со мной. В наше время трудно разобрать, кто прав, кто виноват, и потому мы привязываемся к человеку, предоставляя ему отвечать за наши поступки.

– Да, вы правы, вы остались верны вашему начальнику... виноват один ван Нивельд. Вот письмо к нему от епископа. Желая, чтобы он, прочитав его, одумался и не заслужил названия изменника.

– На все воля Божья, – проговорил старик. – Прощайте, мессир, вы едете опять в Дурстед?

– Нет, мне надобно побывать в лагере мессира Перолио.

– Уж не везете ли вы письмо епископа к начальнику Черной Шайки? – спросил старик с беспокойством.

– Да, ван Йост, разве и Перолио в Утрехте?

– Не знаю, мессир, только мне жаль, что такой благородный, добрый рыцарь отправляется один в лагерь итальянца.

– Благодарю за сочувствие, но Шафлер ничего не боится и смело идет, куда велит долг. Прощайте.

– Да хранит вас Бог, мессир граф! – проговорил с чувством ван Йост, следя глазами за удалявшимся рыцарем.

Через несколько минут Шафлер доехал до лагеря Перолио, расположенного в долине между рекой Лек и дорогой, которая вела из Дурстедда в Утрехт. Черная Шайка построила бараки и конюшни, и тут, точно так же как в лагере ван Нивельда, всадники и прислуга их чистили оружие и латы, готовились к скорому походу. Все это происходило тихо и в порядке, что означало близость начальника. Странно, что эти разбойники, для которых не было ничего святого, дрожали как дети перед капитаном. Никто не смел сказать ему ни слова, и приказания его исполнялись беспрекословно. Малейшая неосторожность или непослушание наказывались

жестоко. Даже во время оргий, стоило только показаться Перолио, в минуту буря умолкала, хмель вылетал из головы и все готовы были умереть по его знаку.

В Черной Шайке было до двух тысяч человек и все всадники и солдаты высокого роста. Все вооружение их было черное, лошади тоже черные, так что один вид этого войска внушал ужас. Палатка Перолио стояла посреди лагеря, но сам он лежал на подушках под деревом, защищавшим его от солнечных лучей. Богатый костюм его выказывал атлетическое его сложение; левая рука была без перчатки, а правая, по обыкновению, в черной шелковой перчатке.

Возле него стоял паж и по временам наливал ему в кубок французского вина. Перолио, увидев приближающегося офицера, англичанина Вальсона, и проговорил как бы в полусне:

– Ризо, зачем идет сюда Вальсон, кого он ведет с собой?

– Двух всадников, мессир, только я их не знаю... Это рыцарь на службе епископа, потому что я вижу бургундский герб.

– Бургундцы! – проговорил зевая итальянец. – Хорошо, налей мне еще вина.

Вальсон, остановив Шафлера поодаль, подошел один и думая, что Перолио спит, сказал пажу:

– Ризо, граф Шафлер желает говорить с капитаном.

– Шафлер! – вскричал Перолио радостно. – Веди его, Вальсон, веди скорее.

И, привстав на подушках, он вежливо поклонился посетителю.

– Простите, мессир, что я встречаю вас не совсем учтиво... но меня извиняет жара. Ризо, помоги графу сойти с лошади.

– Я здесь на несколько минут и не сойду с лошади, – отвечал Шафлер.

– Очень жаль, мессир. В таком случае вы не откажетесь выпить бокал французского вина.

Ризо, налей.

– Не беспокойтесь, я не буду пить, – возразил граф.

– Вы не похожи на ваших соотечественников, у которых всегда жажда и которые чаще держат в руках бутылку, чем меч.

И, не дав времени ответить Шафлеру, Перолио продолжал еще любезнее:

– Так я выпью, чтобы поблагодарить вас за ваше посещение.

– Напрасно благодарите, мессир, я здесь не по доброй воле, а по приказанию монсиньора.

– А! Достойный епископ беспокоится о моем здоровье! Меня очень трогает его внимание.

– Если бы монсиньор желал осведомиться о вашем здоровье, то прислал бы своего врача... а я взялся доставить вам его приказание.

– Его приказание? – вскричал Перолио, с бешенством вскочив с ковра.

– Да, его приказание, – повторил граф хладнокровно. – Разве мы оба не служим Давиду

Бургундскому?

Начальник Черной Шайки в минуту успокоился и опустившись на подушки, проговорил:

– Любопытно знать, что мне приказывает монсиньор Давид.

– Вы это узнаете из его письма.

Ван Шафлер подал бумагу Генриху, который хотел вручить ее Перолио, но Ризо успел выхватить ее из рук оруженосца и, став на одно колено, протянул письмо своему господину. Итальянец посмотрел на печать епископа и, не разворачивая пергамента, отвечал с дерзкой иронией:

– Можете поблагодарить вашего епископа и сказать ему, что я рассмотрю в другое время его послание и отвечу на него.

И бросив письмо с презрением на пол, он опять лег. Шафлер дрожал от досады, но старался удержать свой гнев.

– Я требую, именем монсиньора Давида, чтобы вы прочитали его послание и дали мне тотчас ответ.

– Это невозможно, мессир... здесь нет никого, кто бы умел читать... Мы не занимаемся науками.

– Я умею читать, – возразил Шафлер. – Дайте мне письмо.

– Я не могу сделать этого; если бы ваш епископ хотел доверить вам то, что заключается в этом послании, он не написал бы письма.

– Приказываю вам, именем епископа, прочитайте письмо и отвечайте на него, – вскричал рыцарь.

– Вы слишком смелы, мессир, – сказал Перолио, приподнимаясь на подушках. – Неужели вы думаете, что у меня есть время и охота заниматься разбором писания вашего незаконного епископа... Поговорим лучше о другом. Ризо, вина! Я хочу выпить в честь красоты и верности той, которую любит граф Шафлер. Здорова ли дочь оружейника, хорошенькая Мария? Знаете ли, что такую красавицу редко можно встретить. Я видел ее в Амерсфорте... в тот самый день, как вы там были, и чуть не влюбился в нее... Право, белокурая Мария мне очень понравилась, но я узнал, что сердце ее уже занято и, может быть, двумя...

– Мессир, опомнитесь! – проговорил Шафлер бледнея.

– Я не люблю идти по следам других, – продолжал бандит, злобно смотря на молодого человека. – Мне сказали, что вы хотите на ней жениться... я не поверил этой сказке. Можно позабавиться с хорошенькой мещаночкой, но дворяне не женятся на подобной дряни. Это бесчестье!

– Дворянин не может себя обесчестить тем, что дает свое имя честной девушке, – сказал с усилием Шафлер, терпение которого приходило к концу.

– Вы судите совершенно справедливо, мессир, но я не такой мудрец, как вы, и лучше выпью еще за белокурую красавицу. Неужели вы не выпьете со мной?

Шафлер молча оттолкнул бокал, поданный пажом. Перолио засмеялся.

– Как вы хладнокровны, мессир, – продолжал он. – Ничто не может вас тронуть... Можно в ваших глазах оскорбить предмет вашей любви – и шпага ваша останется в ножнах.

– Я здесь не жених девушки, достойной уважения, – вскричал Шафлер громовым голосом, – а посланный епископа. Если же вы осмелитесь в другое время произнести ее имя, я заставлю вас замолчать.

– А отчего же не теперь? – спросил Перолио. – Мне надоело лежать, вынимайте ваш меч, храбрый рыцарь, потому что я не раз оскорбил вашу красавицу.

Шафлер хотел бросить свою перчатку в лицо бандита, но вспомнив обещание, данное епископу, остановился.

– Ты можешь оскорблять меня безнаказанно, – проговорил он глухо. – Ты отгадал, что епископ запретил мне отвечать на вызовы.

– И вы сдержите это обещание?

– Надеюсь, что Бог даст мне на это силы.

– Ваше счастье, что мне лень и что так жарко, а то я бы нашел средство заставить вас драться.

– Ваши старания были бы напрасны.

– А если бы я оскорбил вас, назвал трусом, подлецом?

– Я презираю ваши оскорбления и не хочу отвечать на них.

– Но будете ли вы молчать, когда я плесну вам в лицо бокал с вином, потому что рука моя не достанет до вашей щеки?

И Перолио, смеясь, поднял бокал.

– Если вы посмеете это сделать, я в ту же минуту убью вас, как собаку.

– А! Так вот храбрость здешних дворян. Вы не хотите сразиться честно, а любите убивать безоружных. Вальсон! – вскричал он, обращаясь к своему офицеру. – Позови сюда товарищей, пусть они посмотрят на этого рыцаря, закованного в железо, которому епископ приказал быть

подлецом. Можно оскорблять его и его красавицу, можно плевать на него и он будет молчать. Его латы и оружие защищают его только от мух.

Перенести более не достало бы человеческих сил, и Шафлер не удержал гнева. Он так сильно ударил по щиту, что звон раздался по всему лагерю, и закричал:

– Бездельник! Бери оружие и садись на лошадь; я омою в твоей крови все обиды, нанесенные тобой.

– Наконец-то! Видаль, оседлай Гектора и подай мои латы, а ты, Ризо, поднеси еще бокал храброму рыцарю; вино придает больше смелости.

– Мы находим храбрость не в вине, – сказал Шафлер, – только итальянские фанфароны стараются возбудить себя крепкими винами.

– Вам необходим монах, чтобы перед смертью выслушать вашу исповедь. Вальсон, позови Фрокара. Он врач и палач в моем войске, но был прежде монахом, и верно не забыл своего ремесла.

– Не богохульствуй, несчастный! – вскричал Шафлер. – Может быть, твоей душе скоро понадобятся молитвы.

Перолио, надевавший латы с помощью оруженосца Видаля, посмотрел угрюмо на графа и, подумав с минуту, остановился. Страшная улыбка мелькнула на его бледном лице.

– Что же вы медлите? – спросил Шафлер. – Не вы ли вызвали меня на бой?

– Меня останавливает одна мысль. Я принудил вас послушаться приказания епископа, который, пожалуй, отлучит меня от церкви. Это очень важно для рыцаря, и я не хочу страдать за это целую вечность у ворот рая.

– Полно смеяться, Перолио, – возразил Шафлер, – бери меч: я жду тебя.

– Я не хочу сегодня драться... Я успею убить тебя в другой раз.

– Не ты ли вызвал меня твоими оскорблениями! Я знал, что в тебе нет чести, но верил, по крайней мере, в твою храбрость. Я и в этом ошибся: ты просто низкий бандит.

– Я не забочусь о твоём мнении, – отвечал спокойно начальник Черной Шайки. – Спроси у этих людей, которые двадцать лет следуют за мной по разным странам. Они скажут тебе, трус ли я. Что же касается моего происхождения, то и у меня были герб и пергаменты, но я сам уничтожил все это и составил себе новый герб. Посмотри на него.

И он указал на свое знамя, состоявшее из большого четырехугольника черной шелковой материи, обшитой золотой бахромой; посреди его вышит был серебром обнаженный меч с девизом: «Держу его высоко!»

– Я хочу рассказать вам, по какому случаю я принял этот девиз.

– Мне некогда вас слушать, – отвечал Шафлер, – и если вы отказываетесь от поединка, то мне нечего здесь делать, и я уйду.

– Постойте, мессир граф, в лагерь Перолио можно войти всякому, но выйти из него не легко.

– Вы осмелитесь меня задержать?

– Отчего же нет? Ведь я разбойник, начальник Черной Шайки. Разве есть кто-нибудь и что-нибудь на свете, кому бы я повиновался? Я один делаю, что хочу, не отдавая никому отчета в моих поступках, и вы уедете из лагеря, когда я вам позволю.

– Увидим, – заметил Шафлер и, повернув коня, хотел броситься в галоп, но по знаку Перолио вся шайка двинулась рядами и окружила графа железной стеной.

– Не старайтесь разорвать этих рядов, вы разобьетесь об эту живую стену, несмотря на вашу храбрость. Оставайтесь на месте и выслушайте меня. Я даю слово бандита, что отпущу вас из лагеря.

Шафлер кусал губы с досады, но чувствуя себя во власти бездельника, остановил лошадь.

– Вот это лучше, – заметил Перолио, выпив еще кубок вина. – И вы не раскаетесь, что выслушаете мой рассказ. Он довольно забавен. Это было давно, лет двадцать тому назад; я был

на юге Франции. Вы не знаете, граф, прекрасного Прованса, который нисколько не похож на вашу холодную, туманную страну. Я был еще очень молод, но командовал отрядом храбрецов и служил у доброго короля Людовика XI, который и теперь царствует. На берегу Дюрансы возвышался великолепный замок, почитаемый неприступным. В замке жил богатый, могущественный граф, вассалами которого были двенадцать первых дворян провинции, и тридцать селений повиновались ему. У графа был сын, надежда всего семейства, и дочь, молодая и прекрасная, которую я полюбил до безумия, как вы любите дочь оружейника. Мне было двадцать два года, и так как в эти лета простительно делать глупости, то я явился к графу и просил руки его дочери. Отец улыбнулся презрительно и, показав мне длинный ряд портретов своих предков и великолепный герб, спросил, кто я такой, чтобы осмелиться вступить с ними в союз? Я мог также назвать несколько знаменитых имен в моем роде и показать ему дворянский герб, но гордый вельможа нашел бы это слишком недостаточным и потому я показал ему только мой меч, сказав, что это самый лучший герб. Граф прогневался на мою смелость и чуть было не приказал лакеям выгнать меня. Но я успел выйти сам.

Прошло два года. Этого очень мало для человеческой жизни, но в это время король Людовик начал подозревать графа в измене в сообществе с герцогом Бретанским. Говорят, что король не верит никому, но в этом случае он поверил клевете и не требовал даже доказательств. Он приказал начальнику Черной Шайки овладеть замком, и начальник поспешил повиноваться. Замок был взят, разграблен и разрушен и граф перевезен в тюрьму, в Пуатье. Сын его осмелился упрекнуть меня в несчастьях отца... он был не так хладнокровен как вы, мессир, и через час графиня плакала над телом последнего в роду, лишённого графского погребения. Она не могла перенести удара и умерла в припадке безумия.

Оставалась дочь. Красавица вспомнила, что я любил ее, и пришла в мой лагерь, просить об отце. Она знала, что король исполнит мою просьбу, и предложила сама свою благородную руку бандиту. Но было уже поздно. Бандит не хотел быть ее мужем, и она согласилась сделаться его любовницей... чтобы только спасти отца.

Несмотря на все усилия казаться покойным, Шафлер вздрогнул. Перолио продолжал:

– К несчастью жертва красавицы была напрасна, потому что я опоздал явиться к королю с просьбой. Граф был уже осужден и мне поручено было исполнить казнь. Я не смел ослушаться и пошел прямо в тюрьму. Старик посмотрел на меня гордо, но когда я рассказал ему о всех несчастьях, постигших его семейство, он задрожал, как вы задрожали, мессир, и преклонил свою голову. Гордость оставила его на эшафоте, когда разбивали его древний герб и тогда же я показал ему мое новое знамя, с мечом и девизом: «Я держу его высоко!» Ризо, еще вина. У меня засохло горло от рассказа! Ну, теперь скажите, мессир Шафлер, как вы находите мой герб? Он доказывает, что я умею мстить. Старый граф испытал это на себе.

Шафлер помолчал немного, чтобы скрыть ужасное впечатление, произведенное рассказом, и сказал, смотря в глаза разбойника:

– Вы хорошо сделали, что выбрали черный цвет для вашего знамени.

– Отчего же это, мессир?

– Оттого, что на нем не заметно пятен.

– Прекрасно! – вскричал Перолио смеясь.

– Впрочем, я нахожу, что в вашем гербе есть недостаток.

– Какой же?

– Этот меч должна держать красная рука убийцы, рука с таким страшным, неизгладимым пятном, что ее надобно закрывать от всех. Не после ли этого благородного поступка вас прозвали Перолио – Кровавая Рука?

Эти слова произвели страшное действие на бандита. Он вскочил, как ужаленный змеей, и злоба исказила до того черты его лица, что он сделался безобразным.

– Дьявол, – закричал он в исступлении и выхватил меч из рук оруженосца; но в ту же минуту уронил его на землю и, бросив на Шафлера взгляд ненависти, проговорил несколько спокойнее:

– Нет, не хочу убивать тебя сегодня. Начальник бандитов дал слово, что выпустит тебя живым – и сдержит его... Да и что за месть проколоть тебе горло, как собаке и видеть, как ты умрешь в две секунды. Нет, это было бы глупо. Я умею мстить лучше. Я увезу твою красавицу, обещаю ее и выгоню из лагеря, а потом, мессир, вы почувствуете на себе всю тяжесть этой Красной Руки. Между тем, я хочу, чтобы и на тебе было клеймо, которое нельзя ничем смыть. Ты оскорбил начальника Черной Шайки, и будешь наказан... Воины! – закричал он на весь лагерь. – Возьмите этого рыцаря, снимите с него одежду и латы, привяжите к дереву и бейте ремнями до тех пор, пока тело его не будет так же красно, как моя рука! Сто флоринов за работу.

– Ура! – заревела толпа разбойников.

Шафлер не верил своим ушам... Он не мог собраться с духом, как бандиты окружили его сплошной стеной и готовились кинуться на него. Тогда граф бросил уздечку на шею коню, схватил меч обеими руками и размахивая им на обе стороны, смело бросился вперед, крича:

– Прочь с дороги, разбойники!

Однако несмотря на храбрость и силу рыцаря, он не мог бы сладить с толпой солдат и не избегнул бы унижительного наказания, если бы небо не послало ему неожиданную помощь. Мессир ван Нивельд, возвратясь в свой лагерь, узнал о посещении Шафлера, о том, что он отправился к Перолио и, предчувствуя недоброе, поспешил вслед за молодым графом.

Он подъехал в ту минуту, как Шафлер защищался от сотни бандитов, которые остановились, ожидая новых приказаний.

– Что это значит? – проговорил, подъезжая ван Нивельд. – Вся Черная Шайка нападает на одного человека и начальник ее смотрит на этот постыдный бой?

Перолио силился улыбнуться и скрыть неудовольствие при виде нового гостя.

– Не беспокойтесь, ван Нивельд, – сказал он. – Рыцарь будет жить, только я хочу наказать его.

– За что?

– Пожалуй, я вам объясню, в чем дело, хотя не признаю за вами права меня допрашивать. Этот человек оскорбил меня и я проучу его немного.

– Этот разбойник, – закричал Шафлер в негодовании, – отказался от честного боя и приказал своим бандитам высечь меня.

– г Это невозможно, Перолио, вы не могли отдать такого приказания, – говорил ван Нивельд.

– Отчего же нет? Кто может мне помешать делать, что я хочу?

– Надеюсь, что я помешаю.

– Вы тоже грозите мне?

– Нет, но я вам советую, как друг. Отпустите тотчас ван Шафлера; вы не должны удерживать его, не смейте поступать жестоко с прежним вашим товарищем.

– С теперешним неприятелем.

– Тем более надобно его уважать, особенно когда он один и доверился вашей чести. Он ваш гость, Перолио, так же как я. Мы с вами, хотя по разным причинам, перешли на сторону бургграфа монфортского, но неужели вы думаете, что новый наш начальник одобрит ваше поведение? Нет, не только он, но и все здешние дворяне, удочки и трески, придут к вам требовать удовлетворения за обиду, нанесенную самому благородному из рыцарей.

– Пусть придут, я не боюсь никого.

– Но вы не сладите с ними... вы погибнете. Откажитесь от мести и отпустите ван Шафлера. Скоро, может быть завтра, вы встретитесь с ним в сражении и можете отомстить честно.

– Вы так убедительно просите за вашего соотечественника, мессир, что я не могу отказать вам. Я согласен отложить мою месть до более удобного случая, но требую, чтобы он заплатил моим воинам сто золотых флоринов, обещанных мной.

– Ван Шафлер не богат... я заплачу за него, – сказал Ван Нивельд.

– Хорошо... но граф должен сойти с лошади и на коленях благодарить меня за милость.

– Это безумное требование, Перолио.

– Может быть; только это единственное условие, если Шафлер хочет быть освобожден.

Я клянусь в этом.

В эту минуту к ван Нивельду подскакал лейтенант ван Йост и сказал что-то тихо, после чего первый сошел с лошади и стал на одно колено перед начальником Черной Шайки.

– Что вы делаете, ван Нивельд? – вскричал Перолио.

– Я преклоняюсь перед вами, вместо Шафлера. Я такой же дворянин как он. Ношу золотые шпоры и за него благодарю вас за милость.

– Хорошо, я согласен! – проговорил Перолио с досадой. – Пусть едет.

– Прощайте, граф, – сказал ван Нивельд, вставая и протягивая руку Шафлеру, – мы встретимся, может быть, скоро с оружием в руках, но и тогда вы найдете во мне благодарного противника.

– Я никогда не сомневался в вас, – отвечал молодой человек. – И никогда не забуду вашего великодушия. Сожалею только, что должен благодарить врага моего государя.

– Сам епископ виноват в том, что я его оставил. Еще раз прощайте, граф.

Шафлер дал знак Генриху, которого все время стерегли бандиты, и оба они выехали из лагеря.

– Странно, – заметил Перолио. – Я никак не думал, чтобы здешние дворяне согласились так унижаться перед иностранцем, и еще не для своего спасения.

– Это вас – удивляет, Перолио? – отвечал ван Нивельд. – Потрудитесь посмотреть на дорогу, ведущую к вашему лагерю.

– Вы приехали не один, мессир?

– Не совсем... со мной три тысячи солдат. Понимаете ли вы теперь, зачем я унился перед вами? Я хотел избежать сражения, и вы поступили очень благоразумно, капитан, что согласились на мою просьбу, поддерживаемую войском, которое гораздо лучше и больше вашего.

Перолио закусил с досады губы и замолчал.

XI. Военная хитрость

Перемирие закончилось, и обе партии ждали с нетерпением военных действий. Бурграф Монфорт и удочки, усиленные присоединением ван Нивельда и Перолио, желали решительного сражения, а епископ Давид, чувствуя свою слабость, запретил своим войскам нападение. Он позволил им беспокоить и грабить неприятеля, и эти экспедиции очень нравились солдатам, которым не выплачивали жалованья.

Подобная война не могла нравиться благородному Шафлеру, и он строго запретил своим солдатам пускаться в мародерство. Другие же начальники партии «трески» сами участвовали в этих набегах. Капитан Салазар, самый предприимчивый из них, вздумал одним разом завладеть всеми стадами, пасущимися на обширных амерсфортских полях. Для этого он приказал полсотне солдат переодеться крестьянами и послал их порознь к стенам города, откуда они должны были отгонять стада до назначенного пункта, где был скрыт сильный отряд.

Этот план, прекрасно задуманный, удался совершенно. Сильный туман позволил переодетым солдатам дойти незаметно до стада и отогнать его довольно далеко, прежде чем часовые смогли его заметить со стен башен Амерсфорта. Однако туман скоро рассеялся и в городе поднялась суматоха. Ударили в набат. Граждане и крестьяне схватили первое попавшееся оружие и бросились бежать, кто за своей короной, кто за бараном, кто за теленком.

Граждане того времени, точно также как и нашего, не любили шутить, когда дело касалось их собственности. Они превращались в львов для защиты своего имущества, но не трогались с места, если неприятель вторгался в их землю, или один правитель сменял другого.

Итак, амерсфортцы пришли в азарт, узнав о похищении своих стад, и побежали догонять похитителей. К несчастью, они думали иметь дело с сотней людей и не подозревали, что почти все войско Салазара скрыто за холмами. Граждане почти догнали стада и уже раздавались крики радости, как вдруг вышел из засады большой отряд и преградил им путь. Амерсфортцы остановились на минуту и тоже выстроились рядами, ожидая нападения, но Салазар приказал своим отступить, и удочки, думая, что их боятся, начали с жаром преследовать бегущих. У второго пригорка новый отряд присоединился к первому, и так как все были уже довольно далеко от города, то капитан трески приказал бегущим остановиться, а сам обошел сзади удочек, которые очутились посреди неприятелей.

Увидев опасность своего положения, граждане смешались, хотели бежать, но это было невозможно. Они были окружены с трех сторон, с четвертой была река. Воодушевленные отчаянием, они дрались храбро и дорого продавали свою жизнь, но не могли долго держаться против опытных солдат Салазара. Принужденные или бросаться в реку или пробиваться сквозь неприятельские ряды, они падали, пораженные стрелами и мечами, и только небольшое число их успело спастись и принести в Амерсфорт печальную весть. Не было ни одного семейства, в котором бы не оплакивали потерю. Везде искали, кто отца, кто мужа, кто брата. Со времени осады и взятия города Филиппом Бургундским, не было в Амерсфорте стольких слез и отчаяния.

В доме оружейника, под вывеской «Золотого шлема», было большое горе. У Вальтера не было своих стад, но, узнав о краже, он с некоторыми из работников побежал за ворами и не возвращался назад. Напрасно Марта с дочерью стояли у дверей и останавливали всех проходящих; им отвечали, что никто не видал мастера.

Наконец Маргарита, стоявшая в конце улицы, прибежала запыхавшись, с известием, что идет старший работник, Вильгельм, с двумя товарищами.

Трое работников были в самом жалком виде. Один был весь мокрый, другие покрыты пылью и кровью.

– Вильгельм, ради Бога, говори! – вскричала Марта. – Где Вальтер?

- Не знаю!
- Он умер! – сказали обе женщины, побледнев еще более.
- Не знаю, – повторил работник. – Может быть он жив. Бог не допустит, чтобы такой хороший человек погиб, как собака.
- И вы бросили его одного? – закричала с гневом Маргарита.
- Нас оттеснили в разные стороны; в такой свалке трудно было оставаться на одном месте.
- Все-таки вы не должны были отставать от хозяина, – ворчала старая служанка.
- Молчи, Маргарита! Не тебе рассуждать о том, чего не понимаешь, – возразил сердито работник.
- Если бы я была мужчиной, я бы не вернулась одна...
- Даже, если бы видела, как хозяин упал?
- Боже, так это правда! Вальтер умер?
- Успокойтесь, хозяйка, – сказал работник, стараясь скрыть свое собственное волнение.
- Говори правду, Вильгельм, – прервала Мария, заливаясь слезами. – Зачем подавать нам напрасную надежду?
- Я говорю правду, мамзель Мария... выслушайте меня, я расскажу все, как было. Поутру, когда ударили в набат, хозяин побежал с нами к воротам и, узнав в чем дело, посоветовал как действовать, чтобы не попасть в засаду. Однако его не послушали, и начальник наемников отказался идти с нами, сказав, что он не пастух, чтобы собирать стада. Потом, когда нас окружили воины, многие закричали: «Спасайтесь!» А мастер Вальтер собрал вокруг себя тех, кто посмелее и хотел пробиться сквозь ряды. Он дрался как лев, но скоро был окружен неприятелем, и один из воинов Салазара нанес ему сильный удар по голове. Хозяин упал. Я хотел с товарищами броситься к нему, но меня оттеснили к реке, спихнули в воду и там на нас посыпались стрелы. Только трое успели спастись, все израненные. Что ни говори Маргарита, мы исполнили свой долг, и если бы было возможно, спасли бы жизнь хозяина.
- Окончив свой рассказ, работник отер слезы и замолчал.
- Ты слышала, Мария, – проговорила Марта сквозь слезы. – Нет никакой надежды... Вальтер умер.
- Нет, – перебила старая Маргарита, слушавшая со вниманием рассказ Вильгельма. – Я не согласна с вами, хозяйка. Работники видели как упал мастер, но они не подходили к нему, и не знают, убит он, или только ранен.
- Я тоже так думаю, – вскричал Вильгельм. – Разумеется, удар был силен, если повалил такого человека, как хозяин, но он мог только оглушить его.
- Как удостовериться в этом? – сказала Марта, начиная надеяться.
- Чего же лучше, – добавила Маргарита. – Вильгельм знает место, где упал хозяин, он пойдет туда и отыщет.
- Да, я пойду, – подтвердил работник.
- Так если батюшка жив, он останется без помощи! – вскричала Мария с отчаянием. – Я не допущу этого. Я пойду сама к начальнику неприятельского отряда, буду на коленях умолять его, чтобы он позволил мне подать помощь раненому отцу или похоронить его.
- Нет, Мария, – сказала мать. – Твое сердце вовлечет тебя в опасность. Тебе нельзя идти к разбойникам, а то мне придется, кроме мужа, оплакивать и тебя. Моя обязанность отыскать тело Вальтера. Я клялась быть ему верной и преданной, а Бог знает, что я свято исполнила мою клятву. Теперь я пойду отдать ему последний долг.
- Вы не пойдете, ни та, ни другая, – сказал Вильгельм с твердостью. – Простите, хозяйка, что я не вдруг решился, но слушая вас и вашу дочь, я стыжусь, что женщины выказали больше смелости и великодушия, и тотчас же иду на поле сражения. Часа через два я ворочусь, или разбойники убьют меня на трупе мастера Вальтера.

Пожав руку Марты, он выбежал из дома. Мать и дочь остались в страхе, уговаривая друг друга и плача.

Через три часа Вильгельм вернулся. Он был бледен и шел тихо. Обе женщины бросились к нему, не говоря ни слова; работник показал им топор и меч мастера Вальтера, сказав задыхающимся голосом:

– Вот все, что я нашел после хозяина. Разбойники, ограбив мертвых, бросили все тела в реку.

Раздался крик ужаса, и мать упала, рыдая, в объятия дочери.

ХII. Вестник

В доме оружейника была такая тишина, как будто в нем все вымерли. Маргарита подала работникам ужин и те поели молча, боясь потревожить печаль Марты и Марии, которые усердно молились в своей комнате.

Вдруг посреди общей тишины послышался стук в дверь, выходящую на улицу. Маргарита пошла отворить и потом, войдя в комнату Марты, сказала ей тихо:

– Хозяйка, извините, что я вас побеспокоила, пришел какой-то крестьянин и хочет поговорить с вами.

– Так поздно и в такое время... Что это за человек?

– Не знаю... Он в большой шляпе, которая закрывает все лицо, и говорит тихо... Я испугалась и не хотела его впускать; но он настаивает и говорит, что ему очень нужно видеть вас сегодня вечером.

– Матушка, – вскричала Мария, – не принес ли он вести о батюшке?

– Дай-то Бог, – проговорила Марта и приказала привести крестьянина, который, войдя в комнату, осторожно запер дверь.

Маргарита была права, испугавшись наружности незнакомца, который при свете лампы был еще страшнее, потому что лицо его было совершенно черно и простая одежда покрыта пылью и грязью.

– Что вам надобно? – спросила Марта, раскaiваясь, что впустила незнакомца.

– Я принес вам известие о мастере Вальтере, – проговорил тихо крестьянин.

– Он жив! – вскричали в одно время мать и дочь.

– Жив.

– Правда ли это?

– Я его видел.

Марта и Мария упали на колени и благодарили Бога, что он так внезапно превратил их горе в радость. Потом мать встала и обратилась к посланному:

– Благодарю вас, кто бы вы ни были... Мой муж жив... Но где он, отчего он не пришел? Сведите нас к нему.

– Это невозможно, – отвечал крестьянин так же тихо, стараясь скрыть свой голос.

– Отчего же? – спрашивали женщины с беспокойством.

– Он в плену у «трески».

– У разбойников! Может быть, он ранен?

– Ранен, только не опасно. Удар в голову был так силен, что мастер лишился чувств и его приняли за мертвого. Когда начали раздевать трупы, то увидели, что Вальтер дышит, и хотели убить, но воины ван Шафлера спасли его.

– Как, – вскричала Марта, – воины Шафлера тоже грабили мертвых?

– Нет, начальник послал их спасти раненых.

– Я узнаю благородного графа Жана, – сказала его невеста, – и верно он сам привел отряд? Крестьянин на минуту задумался, потом отвечал еще тише:

– Да, мессир Шафлер был с отрядом.

– И я обязана ему спасением отца?!

– Да, ему.

– Вы слышите, матушка, – продолжала Мария с чувством, – как он добр, великодушен! Я буду вечно ему благодарна.

– Но отчего же ван Шафлер не отпустил Вальтера? – спросила Марта. – Он мог быть уже здесь.

– Это было невозможно, – отвечал крестьянин, – он мог спасти жизнь вашему мужу, но освободить его не смел без приказа епископа Давида.

– Ван Шафлер выхлопочет этот приказ, – перебила молодая девушка. – Разве епископ может отказать в чем-нибудь своему лучшему капитану?

– Вы правы, епископ не откажет в просьбе графа, а между тем мастер Вальтер перевезен в Вик, где оставлен под надзором графа.

– Как я рада! – сказала Марта. – Как я благодарна за ваше известие, чем мне отплатить вам...

– Не благодарите меня, – проговорил крестьянин с волнением. – Я хотел успокоить вас насчет мастера Вальтера и успел в этом... Теперь прощайте.

Мария удержала его вопросом:

– Скоро вы увидите ван Шафлера?

– Завтра, – отвечал незнакомец.

– Так скажите ему, как он осчастливил нас, как обрадовал... Скажите, что я посвящу всю жизнь тому, кто спас моего отца и буду каждый день молиться, чтобы страшная война эта окончилась, чтобы он свободно пришел в дом отца моего, где его ждет с нетерпением невеста.

– Я передам ему эти слова, – проговорил с заметным усилием незнакомец и пошел шатаясь к двери, но вдруг силы его оставили, колени подогнулись и он упал бы на пол, если бы не удержался за стол, стоявший у дверей.

– Боже мой! Что с вами? – вскричала Марта с беспокойством. – Вы больны?

– Нет, я устал... Шел очень скоро. Теперь ничего, я пойду...

– Нет, я вас не пущу! – проговорила добрая женщина. – Отдохните и поужинайте. Мария, принеси вина и подай вестнику.

Мария поспешила исполнить приказание матери и, налив стакан, сама поднесла его незнакомцу, но вдруг отступила от него, вскричав:

– Матушка, это он, наш друг Франк!

– Франк! – повторила Марта с недоверием, но всмотревшись в черты лица, покрытые углем, тоже вскричала. – Да, это Франк, мой сын!

Действительно, это был воспитанник мастера Вальтера, который хотел, не узнанный никем, принести известие о спасении оружейника; но последние слова Марии о женихе произвели на него такое тягостное впечатление, что он не мог его скрыть, тем более, что Франк из скромности сказал неправду.

Шафлер отлучился дня на два и поручил Франку начальство над войском; стало быть, сам он не мог быть на поле сражения, а вместо него Франк, узнав о случившемся, поспешил с несколькими всадниками и спас своего воспитателя, подвергая опасности собственную жизнь.

Когда его узнали, он не мог уже отказаться от угощения и ночлега. Мать и дочь осыпали его вопросами. Была уже давно ночь, а Франк все рассказывал свои необыкновенные приключения.

На другое утро он хотел уйти незаметно, чтобы не видаться еще раз с Марией, но проходя по общей комнате, встретил Марту, которая остановила его, сказав, что не пустит прежде завтрака.

– Да и Мария забранит меня, – прибавила она, – если узнает, что я позволила тебе уйти, не простившись с ней.

Надобно было повиноваться. Франк последовал за Мартой в комнату молодой девушки, которая казалась грустной. Она не спала всю ночь, так ее расстроил рассказ Франка о страданиях его в башне, где он чуть не умер от голода. Однако увидев своего друга она повеселела немного и, взяв Франка за руку, привела его на террасу и показала несколько распутившихся цветов.

– Помнишь ли ты эти розы, Франк? – спросила она. – Ты подарил мне их в мои именины, два года тому назад. Как я берегу их, как ухаживаю за ними!

Посмотри, теперь на кусте только два бутона, и я назвала их Франк и Мария, брат и сестра. Франка я оставляю себе, а Марию...

И она, оторвав бутон, подала его молодому человеку, прибавив:

– Марию я дарю... отгадай – кому?

– Не трудно отгадать, – вмешалась Марта, – ты даришь розу своему жениху, спасителю отца.

Мария покраснела и замолчала; она думала не о женихе, а Франк, приписывая ее молчание и смущение любви к Шафлеру, сказал:

– Завтра я отдам эту розу графу.

– Нельзя же тебе всю дорогу держать цветок в руках, – заметила Марта, смеясь, – вот коробочка, положи туда розу... она будет целее.

Франк взял коробочку и поспешил уйти, протянув руки обеим женщинам, но Марта сказала:

– Какой ты стал гордый с тех пор, как сделался воином епископа, не хочешь и поцеловать мать и сестру.

И добрая женщина обняла с нежностью молодого человека, который потом едва прикоснулся губами к бледной щеке Марии и выбежал из дома.

Оставшись одна, молодая девушка закрыла лицо руками и заплакала, сама не зная о чем.

ХIII. Постоялец «Золотого Шлема»

Через несколько часов после ухода Франка по городу громко читали объявление амерсфортского бургомистра о том, что бургграф, желая спасти жителей от нового нападения неприятеля, усилил гарнизон города и что отряд новых войск будет помещен в частных домах. Жена оружейника тотчас же получила уведомление, что у нее остановится начальник отряда со своей свитой. Это известие опечалило женщину, и она тотчас же пошла к судье, чтобы объяснить ему, что в ее положении, когда хозяина нет в доме, она не может поместить у себя воинов; но судья не мог помочь ей ничем. Он сказал, что все квартиры уже распределены, и начальник отряда сам назначил себе дом оружейника под вывеской «Золотого Шлема», стало быть нечего и хлопотать о перемене. И Марга, придя домой, приказала приготовить две комнаты, выходящие на улицу, для незваных гостей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.